

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Издаека и вблизи

«Верстах в пятнадцать от уездного города, на возвышенном месте, стоит двухэтажный графский дом с великолепным садом, обнесенным каменной стеной. Вблизи на лугу у самой речки располагается село Погорелово с красивою церковью, выстроенною иждивением предков настоящего владельца, покоящихся в склепе под алтарем. В стороне от Погорелова, близ леса, возвышается винокуренный завод, извергая из себя массу дыма, величественно поднимающуюся к небу...»

Содержание

I ГРАФ	0005
II ЭКСКУРСИИ	0024
III ГОСПОДА КАРПОВЫ	0037
IV НОВОСЕЛОВ	0058
V ПОЕЗДКА	0080
VI РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОГО ВИЗИТА	0097
VII БЕСЕДА В КАБИНЕТЕ	0109
VIII ПРИЕЗД ГРАФА	0118
IX ЛЕКЦИЯ	0125
X НЕОЖИДААННЫЙ СЛУЧАЙ	0140
XI ИЛЬИН ДЕНЬ	0148
XII ПЕРЕПИСКА	0160
XIII ВЕСНА	0182

**Николай Васильевич
Успенский
Издаюла и вблизи**

I ГРАФ

Верстах в пятнадцать от уездного города, на возвышенном месте, стоит двухэтажный графский дом с великолепным садом, обнесенным каменной стеной. Вблизи на лугу у самой речки располагается село Погорелово с красивою церковью, выстроенною иждивением предков настоящего владельца, покоящихся в склепе под алтарем. В стороне от Погорелова, близ леса, возвышается винокуренный завод, извергая из себя массу дыма, величественно поднимающуюся к небу.

Граф – холостой человек, лет двадцати пяти. Он приезжает из Петербурга в свое имение редко и на короткое время. Но в последнюю весну он известил управляющего, что намерен провести в Погорелове целое лето, даже, если не помешают разные обстоятельства, остаться в своем имении навсегда, с целью поближе познакомиться с сельским хозяйством при помощи естественных наук, которыми он занимается в Петербурге. Граф

упоминал также, что предстоящее лето он назначает на геологические экскурсии и, по случаю ученых занятий, будет вести уединенный образ жизни.

Это известие быстро разнеслось по окрестностям. Соседи помещики, особенно их жены и дочери, сильно приуныли, увидав, что им придется почти отказаться от графского общества; тем не менее весь уезд, на всех вечерах, собраниях, даже при простой встрече, горячо толковал о предстоящих графских экскурсиях. Многие утверждали, что в настоящее время действительно ничего не остается делать, как заниматься естественными науками, ибо только с помощью естественных наук можно сколько-нибудь поддержать упадающее сельское хозяйство, а между тем какому-нибудь геологу ничего не стоит открыть в любом имении если не груды золота, то, наверно, каменный уголь, железную руду или что-нибудь в этом роде. Один старый помещик рассказывал, что при императоре Павле в его имение приезжали немцы и предлагали ему огромную сумму денег, с тем чтобы он позволил им сделать ученые изыскания под

его мельницей; но он на предложение немцев не согласился, надеясь сам заняться исследованием золотых россыпей, которые обличал металлический цвет воды в так называемом буковище.

Как бы то ни было, все решили, что граф жил в Петербурге не даром и что со временем своими учеными трудами он облагодетельствует весь погореловский край. Впрочем, матери семейств в намерении графа заниматься науками в глуши, вдали от света, подозревали совершившийся в его жизни перелом: вероятно, шум столичной жизни надоел ему вместе с победами над великосветскими женщинами, и как бы поэтому граф не женился в деревне. Напротив, молодые замужние женщины в приезде графа в деревню видели зарю своего собственного возрождения: по их мнению, граф ни под каким видом добровольно не наденет на себя супружеского ярма и всего менее будет корпеть над науками, особенно в летнее время, которое с большею пользою он может употребить на волокитстве за деревенскими *belles femmes*[1].

Гораздо практичнее смотрело на приезд

графа низшее сельское сословие. Оно обдумывало, как бы приобрести от графа сад на лето, лужок или десятин пятьдесят земли; при этом иные решились предстать пред графом слегка пьяными, а иные даже помещанными; а сельский пономарь, изба которого стояла набоку, задумывал явиться к графу юродивым.

Между тем в имении графа поднялись хлопоты: в саду поправлялись беседки, оранжерея, грунтовой сарай⁽¹⁾; на реке строилась купальня; в доме красились стены и натирались полы. Управляющий приказал отборных телят и быков пасти на заказных лугах⁽²⁾. Кучера задавали лишние порции лошадям, каждый день гоняя их на корде.

В половине мая из Петербурга приехал повар с ящиками вин и разными кухонными принадлежностями; с ним присланы были также реторты, геологические молотки и большой микроскоп, купленный графом на какой-то выставке. Научным аппаратам отведено было место в особом флигеле, где находилась старинная прадедовская библиотека. Описывая дворовым людям, управляющему

и конторщику петербургскую жизнь, повар счел нужным познакомить их с князьями, графами, у которых он служил, также с Дюссо и Борелем⁽³⁾; при этом в виде назидания он сообщил им, что такое консоме-ройаль и де-валяйль, шо-фруа, де-жибье и т. п.

В первых числах июня приехал сам граф. Сельский причт явился поздравлять его с приездом. Одетые в новые рясы, с просфорой на серебряном блюде, священнослужители удостоились быть принятыми его сиятельством в столовой, где стоял завтрак с винами. После некоторых общепринятых фраз предметом разговора была железная дорога, Петербург, наконец, Париж, куда граф ездил недавно.

Граф был так любезен, что рассказал гостям кое-что про Париж.

– На стенах нет места, – говорил он, – где бы не было объявлений о театрах, концертах, гуляньях, балах; в зеркальных окнах торчат кабаньи морды, львы...

– Б-б-о-ж-же милосердый!

– Положительно весь Париж запружен увеселениями; в нем более тридцати театров.

Граф посмотрел на слушателей, вставив стеклышко в глаз.

– Вы едете по улице, мимо вас мелькают всевозможные надписи; там нарисован во всю стену черт, высыпающий сюртуки, жилеты; там дикий бык на арене.

Гости вздохнули и переглянулись.

– Вот где нам с вами побывать, отец дьякон! – сказал священник.

– Что нам там делать? Это содом и гоморра.

– Именно, – подтвердил граф, – я с вами согласен.

– Надолго, ваше сиятельство, пожаловали к нам?

– Я намерен прожить здесь долго.

– Доброе дело. Нам будет веселей. А прихожане постоянно спрашивали про вас: скоро ли наш благодетель приедет?..

Часов в семь вечера граф сидел в кабинете за письменным столом. В дверях стоял управляющий, посматривая на потолок и покашливая в руку.

– Ну-с, Артамон Федорыч, давайте с вами побеседуем о хозяйстве. Что же вы стоите? Садитесь.

– Ничего, ваше сиятельство: больше вырастет.

Граф указал на стул и повторил:

– Садитесь. Управляющий повиновался.

– Во-первых, скажите мне: можно ли в наших окрестностях добыть костей?

– Отчего же?

– А серной кислоты?

– В небольшом количестве тоже можно.

– Вот видите ли, Артамон Федорович, – продолжал граф, откидываясь на спинку стула, – я хочу завести в своем имении рациональное хозяйство: на Западе, вы, я думаю, слышали, давно удобряют землю костями. Так не пора ли и нам взяться за дело? как вы думаете?

– Вы, стало быть, купоросным маслом хотите разлагать кости?

– Разумеется.

– Да ведь этот способ, ваше сиятельство, давно оставили.

– Как оставили?

– Потому он дорог и неудобен. Года два тому назад публиковали другой способ, может быть вы изволили читать в газетах: разлагать

кости при помощи торфа, известки и золы дешево и сердито. Торфу, конечно, у нас нет, впрочем это не беда. Главное затруднение в том, что почве, которую вы желаете удобрять, надо сделать анализ.

– Еще бы! химический анализ непременно. Да вы, кажется, знаете химию?

– Какое мое знание! читаешь, случается, газеты, и остается кое-что в памяти.

Граф предложил управляющему сигару и объявил:

– Моя специальность минералогия. Вы знакомы с минералогией?

– Нет-с. Уж этого бог миловал.

– Например, вы находите где бы то ни было известный кристалл и не знаете, как он называется. Вам надо прежде всего определить, к какой системе он принадлежит? к тетраэдрической, сфенотриклиноэдрической или к другой какой-нибудь?..

Наконец, управляющий вышел. Граф прошелся по кабинету.

«Каков управляющий-то? Знает химию... я и не ожидал... Наконец, я и приехал, – рассуждал граф, садясь в темном углу на диване, – и

не на один месяц, а может быть, навсегда...»

Как ни противен ему был Петербург за последнее время, тем не менее он мысленно перенесся на Невский проспект, объехал некоторые рестораны, посидел во французском театре, где шла «La belle Nélène», полюбовался в цирке на эволюции любимой акробатки, из цирка заехал к Дюссо ужинать и, наконец, отправился к «Hotel de Franse», где была его квартира. Ему казалось, что теперь все его петербургские знакомые подтрунивают над ним и спрашивают:

– Куда он девался?

– Говорят, уехал в деревню... и навсегда!..

– Какой ужас! Что же он там будет делать?

– Вероятно, слушать волков...

Общий хохот. Громче всех смеется, позвякивая саблей, князь Мордовкин, с которым граф месяц тому назад хотел стреляться за некоторую Адель.

«Впрочем, здесь, в деревне, – рассуждал граф, – я буду жить царем: у меня великолепный повар, огромное количество прислуги, хорошие лошади, вина в погребе; вообще полный комфорт. Поживу здесь год, другой, то-

гда, пожалуй, опять перееду в Петербург. Правда, пятнадцать тысяч в год мало, но, само собою разумеется, придется жить поскромнее. А что, если спустить все имение? – вдруг подумал граф и встал, как будто его озарила необыкновенная мысль, – но кто может поручиться, что в два, а много в три года я не спущу все деньги? Тогда что? на службу? – Граф саркастически улыбнулся и закурил гаванскую сигару. – Впрочем, чего я добиваюсь? чего еще желать при таком имении, как мое? Буду себе жить...»

«А общество, общество где? – возражал ему внутренний голос, – с соседями уже ты решил не знаться и хорошо сделал; ибо что может быть общего между ними и тобой? Ты будешь говорить об опере и балете, а твои соседи о запашках и сеноворошилках. Уж лучше сиди здесь один или опять ступай в Петербург».

– Вздор! – вскрикнул граф, – все это надоедо... опротивело... – Граф позвонил и приказал подавать себе ужин.

Часов в восемь утра в буфетной комнате, смежной с передней, сидели за самоваром два камердинера и повар с женой. У двери стоял

дворовый мальчик в сером фраке с яркими пуговицами. Старший камердинер посмотрел на свои часы и сказал повару:

– Не пора ли вам приниматься за биф-стекс...

– Эй, Петька! – крикнул повар мальчику, – сбегай к садовнику, возьми у него редиски да вели скотнице принести сливочного масла. – Повар вынул из кармана карточку, хлопнул по ней пальцем и сказал:– Вот меню! Горд'евр-варие... это можно... суп жульен, филе-де-беф ан-бель-вю – идет! Хорошо бы стерле-ала-минут, да его нет! недурно бы крем из рябчиков с трюфелем – тоже нет! артишоков и не спрашивай... за что ни возьмись – все нет да нет! Разве сделать пате-шо из ершей! Есть тут ерши-то?

– Должно быть, есть; карасей здесь много...

– Эта дрянь никуда не годится...

Вошла скотница и поставила на стол масло.

– Андрей Иваныч, – обратилась она к старшему камердинеру, – простоквашу прикажете готовить для их сиятельства?

– Готовьте: граф любит простоквашу; толь-

ко вы ей давайте окиснуть хорошенько.

– Слушаю. Еще я хотела доложить вам: ку-
чера Якова жена все на меня ругается.

– Как же она смеет?

– Вам известно, как я здесь на скотном дво-
ре состою главная, то ей и не хочется поко-
ряться мне. И ей хочется быть главной. Я го-
ворю: послушай, Марья, если мы у их сия-
тельства будем все главные, то у нас никакого
порядка не будет; кто-нибудь должен поко-
ряться. А она примется на меня брехать.

– Вы скажите ей, – внушительно заметил
камердинер, – если ты еще брехнешь, то зав-
тра же получишь расчет, ты должна помнить,
у кого ты служишь!..

– Слушаю.

В это время зазвенел колокольчик, камер-
динеры встрепенулись.

Старший камердинер осторожно вошел в
спальню графа, который лежал в постели.

– Какова погода?

– Очень хорошая, ваше сиятельство. Солн-
це светит. Ночью подул было ветерок, а к
утру перестал.

– На почту послали?

– С вечера уехали...

Наступило молчание. Видно было, что граф нуждался в новостях; лакей понимал это и усиливался чем-нибудь потешить графа; но потешить было нечем: впечатления деревенского утра были так скромны, что их не стоило и передавать.

– Скажи, пожалуйста, – сказал граф, – что это за крик был сегодня ночью?

– Караульный-с, ваше сиятельство...

– Нельзя ли, чтобы он по крайней мере не кричал над самым ухом.

– Слушаю. Сию минуту скажу.

– А собак на ночь спускают?

– Как же-с... всех до одной спускают.

Граф начал одеваться.

– Чай где изволите пить?

– На балконе.

– Погода стоит отменная, – вынося умы-вальник, говорил камердинер.

Посматривая на прадедовские образа в углу, граф подумал: «Надо эти византийские орнаменты убрать отсюда». Между тем камердинер говорил своему товарищу в передней:

– Не в духе...

– Ты знаешь его характер; нынче с тобой ласков, а то вдруг опрокинется ни за что.

В передней явился дьячок.

– Их сиятельство встали?

– На что тебе?

– Батюшка велел спросить, не угодно ли им пожаловать завтра к обедни...

– А завтра что такое? – спросил старший камердинер.

– Воскресенье, – скромно отвечал дьячок. – Если их сиятельству угодно будет отстоять литургию, то мы служение начнем попозже и благовестить будем подольше.

Дьячок отозвал камердинера к двери и шепнул:

– Нельзя ли мне повидаться с графом?

– Зачем?

– Изба вся развалилась... не будет ли милости...

– Из таких пустяков беспокоить графа. С чего ж ты выдумал? Ступай.

– Так вот что, – переступая через порог, говорил дьячок, – замолвите словечко вы сами... верите? не нынче, так завтра изба всю семью придавит!..

– Это дело другое, – заметил камердинер, – когда-нибудь в свободное время доложу.

– Дьячок, ваше сиятельство, приходил узнать, не угодно ли вам завтра пожаловать к обедни, – докладывал камердинер.

– Скажи, что я не буду.

– Весь бы народ, ваше сиятельство, осчастливили, – говорил камердинер.

– Вздор какой!

– Могу вас уверить, что ждали вас сюда, как красное солнышко – и теперь всем известно, что вы пожаловали. Предки ваши были храмостроителями, а вас считают за попечителя храма... А то и будут толковать, дескать, родители их не гнушались храма божия...

– Ну и пусть их толкуют. Чем же я виноват, что мои предки были храмостроителями?

– Да ведь и то сказать, ваше сиятельство, с волками жить, надо по-волчьи и выть.

Этот довод подействовал на графа. Он сказал:

– А экипаж в порядке?

– Коляску, ваше сиятельство, я сегодня нарочно осматривал; в лучшем виде справлена:

выкрашена и лаком покрыта.

– Ну скажи, что я буду.

Старший камердинер был человек испытанный и отличался такою опытностию и знанием своего дела, что граф называл его своим министром. Граф часто спорил с ним, даже ругал его, но всегда оказывалось, что камердинер был прав, хотя он пользовался своим влиянием на барина только в таких случаях, когда чересчур страдало графское достоинство или уже попиралось всякое благоразумие.

За отсутствием более важных дел с вечера же отдано было приказание запрячь к обедни четверку вороных. Молодой камердинер должен был одеться в ливрею, а кучер в свой парадный костюм.

Наступило воскресенье. В девять часов за благовестили к обедни; граф уже был на ногах. Утро стояло погожее; все окна графского дома были отворены; звуки церковного колокола мелодично раздавались по комнатам. По берегу реки народ в праздничной одежде шел к церкви. Граф был в хорошем расположении духа и слегка напевал из «Троватора»⁽⁴⁾

Miserere⁽⁵⁾. Четверня давно стояла у подъезда.

Наконец, во всем белом, с ринсе-пез и английским хлыстиком, граф сел в угол коляски, положив наперевес одну ногу на другую. Выждав минуту, когда графский экипаж подъехал к самой церкви, пономарь ударил во все колокола. Отвечая легким наклоном головы на приветствие народа, граф, в сопровождении камердинера, державшего под мышкой ковер, вступил в церковь. Когда он стал на возвышенное место за чугунной решеткой, дьякон вышел из алтаря и сделал возглас.

В конце обедни священник сказал проповедь из текста «Несть власть аще не от бога». Служба тянулась долго; пение дьячков до того раздирало слух графа, что он покушался уехать домой после первой ектений; но его удержало приличие.

Мужики, вышедшие от обедни и вдоволь намолившиеся на церковный крестик, начали толковать между собою:

– А что, говорят, граф совсем приехал сюда жить?

– Уж знамо! Ноне господа сами взялись за

хозяйство; то жили бог ведает где, а то все слетелись на свои гнездышки.

– После воли-то все поджали хвост!

– Теперь и наше дело держись! Чуть маломаленько овечка али коровка взойдет на барское угодье – тут ей и быть!

– Везде стал глаз хозяйский!

– А урожаи-то ноне стали вон какие: до зимнего Миколы поел хлебушка, да и будет! и заговейся!..

– А там принимайся за лебеду!

– Экой ты! кабы была лебеда – горя бы мало! а как лебеда-то не уродится, тогда-то что делать!

– Его святая воля! – перекрестившись и вздохнувши, промолвил один старичок.

– А там подати... об них надо подумать...

В этом духе продолжался разговор до тех пор, пока крестьяне не разошлись по своим избенкам...

Приехав из церкви, граф позавтракал и отправился в сад; поговорил с садовником о сливах, персиках и абрикосах, дав ему заметить, что эти фрукты его слабость; зашел в библиотеку, где увидел свои реторты и кол-

бы, навестил кухню, посидел на крыльце, глядя на развалившиеся избы крестьян, слушая пение петухов; наконец, прошел через переднюю мимо стоявших навтыжку камердинеров и заперся в кабинете.

– Заскучал!.. – сказал старший камердинер, – а навряд он здесь долго проживет!

– Нам какое дело?

II ЭКСКУРСИИ

Прошел месяц. Граф жил все это время вне всякого знакомства и человеческого общества, исключая своей прислуги. Один только раз приезжал к нему сосед-помещик, с намерением попросить испанских вишен и каких-то высадков, да кстати поразведать, чем занимается его сиятельство. Граф охотно дал вишен и высадков, а насчет своих занятий сообщил, что он каждый день делает ученые экскурсии, в подтверждение чего показал соседу каменную плитку, найденную им в каменной ограде, с следами когда-то бывшего дождя. Речь графа пересыпалась научными терминами, например: додекаэдр, гемиэдриа и т. д. Гость полюбовался микроскопом, стоявшим в зале на особом столике, и уехал, не составив себе определенного понятия ни об образе жизни, ни о самой личности графа, который, напротив, был уверен, что сосед разгласит по всему уезду, что наука имеет одного из достойных представителей своих в лице его

сиятельства. На самом же деле экскурсии графа состояли в том, что утром он гулял по саду, причем делал внушения садовнику и управляющему; потом завтракал и отправлялся кататься верхом или стрелять в цель; после обеда смотрел под микроскопом мушиную лапку, но чаще садился у окна с сигарой во рту и устремлял взор вдаль. Однажды, после завтрака, граф сидел среди старой липовой аллеи. Утро было восхитительное, но граф был настроен невесело; он рассуждал о том, что жизнь – удивительно странное явление: чего бы, кажется, хотеть человеку, у которого такое огромное имение, как Погорелово? Несмотря на то, владелец этого имения положительно не знает, куда деваться от скуки... Рассуждения графа вертелись на двух положениях, что жизнь есть наслаждение и пустая и глупая шутка. Первое положение требовало, чтобы человек, подобный графу, катался как сыр в масле; второе приводило к тому, что самое любезное дело покончить с собою... «Вот дерево, – думал граф, – что оно такое, к чему оно? сделать стол, притолку? Или вот птица таскает себе гнездо: для чего это?

вывести детей и потом снова таскать гнездо: для чего это *perpetuum mobile*?[2] Или, например, я: имею великолепный дом, изысканно ем, пью, по моде одеваюсь; но к чему все это? к чему все мое состояние? к чему я сам, наконец? Не стоит жить», – решил граф, грустно покачав головою.

«Не стоит?! – вдруг возразил внутри его другой какой-то голос, – в таком случае именно тебе больше не нужно: отдай его бедным людям».

«Но, может быть, – рассуждал граф, – с моих глаз спадет эта таинственная завеса; может быть, ученые скоро доберутся до настоящего смысла жизни и в газетах вдруг появится объявление: „Нет более скуки!“»

«Но ведь это вздор, – соглашался сам граф, – такого объявления никогда и быть не может».

«Стало быть, – вмешивался невидимый оппонент, – скука год от году будет пожирать тебя с большим ожесточением; а все испытанные тобою средства от нее оказались недействительными; чего ты не перепробовал? И петербургские рысаки были в полном твоём

распоряжении, и балеты, и оперы, и женщины, от которых у тебя до сего времени оскомина, все это извела твоя душа. Что ж теперь тебе остается делать?»

Невдалеке раздался выстрел. Граф позвал камердинера.

– Кто это стреляет?

– Должно быть, кто-нибудь охотится. За садом есть болото.

«А! – подумал граф, – займусь охотой». Он приказал подать ружье. Камердинер спросил:

– Прикажете с вами идти?

– Не надо! – отвечал граф и, взяв ружье, скорыми шагами пошел по саду, осматривая каждый куст, не сидит ли где хоть дрозд.

«Странное дело, – продолжал размышлять граф, – то, чего добивается весь мир – богатство, оказывается не более как пустой звук. Что же делать-то, наконец? Кружиться в петербургском свете – пробовал: остается один чад и пустота в голове да вдобавок векселя. Заниматься хозяйством – в нем ничего не смыслю... Отдаться науке... я к ней не подготовлен...»

Впереди пролетел дрозд. Граф выстрелил и

опустил дичь в ягдташ. Поощряемый удачей, он шел дальше и дальше, наконец очутился в поле. Он окинул взором своим поля, вздохнул и вымолвил:

– Какая безотрадная картина! Ничего нет удивительного, что все эти десятины мы превращаем в шампанское, в рысаков и тому подобное. Да иначе что ж с ними делать?

Граф приблизился к болоту. Вскоре он увидел кулика, бегавшего по берегу, и хотел в него прицелиться; но вдруг остановился; вблизи стоял юноша лет пятнадцати с ружьем в руках.

– Стреляйте, ваше сиятельство, – вежливо приподняв фуражку, сказал молодой человек.

Граф выстрелил, кулик поднялся и вдруг упал, подстреленный незнакомцем. Графу было досадно, что он сделал промах. Завязался разговор.

– Я его плохо видел, – оправдывался граф.

– Да, он от вас далеко сидел.

– А вы хорошо стреляете. Где вы покупали ружье?

– От деда осталось... оно турецкое.

– Вы чем же занимаетесь? – спросил граф,

идя с молодым человеком по направлению к саду.

– Живу у отца на винокуренном заводе, пишу конторские книги.

Наружность и скромность молодого человека понравились графу.

– Теперь завод стоит, дела у нас нет...

– Как же вы проводите время? – спросил граф.

– Ничего, весело. Недавно к нашему дьякону приехал его сын из семинарии, так мы с ним рыбу удим, купаемся, книжки читаем; он с собой привез две книги. Вот хожу, стреляю; а больше с кузнецом перепелов ловим – каждую зорю, и утром и вечером... отличная охота!

– Интересная?

– Очень интересная, ваше сиятельство!

– В чем она состоит?

– Извольте видеть: берется сеть, дудочка и самка. Как только солнышко начнет закатываться, сейчас мы отправляемся в поле. Только нужно, чтоб самка была хорошая!..

– Какая самка?

– Просто перепелка, ваше сиятельство...

– А у вас она есть?

– Как же! я еще в прошлую осень достал; мне принесли ребята; такая голосистая! удержу нет! в одну зорю поймает перепелов десять! я за нее не возьму двадцати рублей...

Воодушевление, с которым молодой человек рассказывал про перепелиную охоту, граф старался поддержать: оно как-то освежительно подействовало на него; он продолжал спрашивать:

– А дудка для чего?

– Тоже для перепелов, ваше сиятельство: подманивать... Как только перепела услышат эту дудочку, так и пойдут кричать; и там, и здесь, и оттуда, и отсюда летят, даже сторяча на картуз садятся. В это время только сиди, не шевелись, а то и петъ на голове будут! просто от смеху живот надорвешь. Вы ни разу не видали этой охоты, ваше сиятельство?

– Нет.

– По-моему, ваше сиятельство, – продолжал юноша, – эта охота лучше всякой другой охоты: ружейная или, например, рыбная перед ней никуда не годятся. Мы каждую зорю охотимся: так в поле и ночуем...

– А можно мне посмотреть, как вы ловите?

– Помилуйте, отчего же нельзя! Мы вот сегодня же и пойдем; потому погода стоит хорошая...

Граф и сын винокура подошли к калитке сада. Графу не хотелось отпустить от себя такого живого собеседника; к тому же он чувствовал, что дома ожидает его страшная тоска. Граф пригласил молодого человека к себе в дом.

– Вы не хотите ли персиков? – спросил граф, проходя мимо оранжереи.

– А я их, признаться, ни разу и не видел, – простодушно отвечал юноша.

– Не лучше ли, впрочем, так, – вдруг воскликнул граф, заметно оживляясь, – позвольте спросить, вы обедали?

– Нет.

– Так сначала мы будем обедать!

– С большим удовольствием.

Пришедши с гостем в кабинет, граф позвал камердинера:

– Послушай! мы будем обедать на балконе; вели принести из погреба бутылку лафиту.

– Слушаю, – не очень доброжелательно по-

смотря на незнакомца, отвечал камердинер и удалился.

– Садитесь, пожалуйста, – обратился граф к юноше, который с детским любопытством заглядывался на каждую безделицу в кабинете.

– Ваше сиятельство! – начал он, – осмеливаюсь вас беспокоить покорнейшей просьбой. Нет ли у вас какой-нибудь книжечки почитать? я страсть как люблю книги... а достать негде...

– У меня больше французские... Впрочем, я велю камердинеру поискать в библиотеке. Позвольте спросить, где вы воспитывались?

– В уездном училище.

– А не в гимназии?

– Нет-с, потому средств не имею: у моего отца большое семейство; а в гимназии, говорят, содержание обходится двести рублей в год или более.

– Двести? – повторил граф. – А вы хотели бы учиться?

– Как же, ваше сиятельство, не хотеть? Что ж я живу здесь? почти без всякого занятия: ни себе никакой пользы не приношу, ни се-

мейству.

Граф задумался. В его голове шевельнулась мысль: «Вот представляется случай сделать доброе дело: выведи этого юношу на свет божий; двести, триста рублей в год для тебя ничего не значит; зато в твоей пустой жизни будет хоть одно это дело, ты хоть недаром проживешь на земле».

Граф почувствовал вдруг какое-то наитие и, встав, объявил молодому человеку:

– Я позабочусь, чтоб вы были в гимназии; двести рублей в год я могу уделить на ваше образование.

Камердинер доложил, что обед готов.

– Так мы сегодня идем на охоту.

– Надо, ваше сиятельство, пригласить кузнеца: он отличный охотник, – сказал гость.

Во время обеда камердинер доложил, что повар просит позволения идти на охоту, так как, живши еще у князя Косоурова, он был страшным охотником и перепелиную часть знает хорошо. Граф приказал ему собираться.

При закате солнца охотники отправились. Дорогой повар затеял спор с кузнецом относительно того, какой перепел лучше, тот ли, что

кричит два раза, или тот, который просто «мамакает». Граф попросил повара вести себя в пределах подчиненности и не забываться.

Стоял тихий июльский вечер; солнце закатилось; на западе расстилались огненные полосы; рожь, к которой подошли охотники, стояла неподвижно... каждый малейший звук был слышен.

– Сейчас начнется, – выговорил повар. Отозвался перепел. Повар заиграл в дудку, и в одну минуту два перепела опустились близ сети. Самка не заставила себя долго ждать и начала, как говорят охотники, трюкать. Услышав ее голос, молчавшие перепела вскричали на разные голоса и один за другим начали садиться, где ни попало.

Графу так понравилась охота, что он велел нести в дом сеть, дудку и самку, обещаясь отправиться и на утреннюю зорю. За ужином он велел подать себе шампанского. Вся графская дворня суетилась и толковала о перепелах; графский дом вдруг ожил.

Охота, за исключением ненастных дней, продолжалась каждую зорю. Сын винокура запросто приходил в графский дом и без cere-

монии настроивал дудку, в чем иногда принимал участие и сам граф.

Однажды граф сидел в кабинете и вслушивался, как сын винокура настроивал в зале дудку. Он позвонил камердинера и объявил:

– Скажи этому молодому человеку, что я больше не намерен охотиться: я не так здоров, к тому же у меня есть дела.

– Я вам давно, ваше сиятельство, хотел доложить, – начал камердинер, – нехорошее это вы знакомство завели. Вон и то начинают говорить про вас, что вы по ржи бегаєте за перепелами.

– Кто это говорит?

– Да соседи!.. ей-богу... помилуйте! наш дом графский; а какое у нас пошло безобразие... страсть! вон паркет весь исцарапан, никак не наметешься... Самка стоит в передней... Ну, кто взойдет из хороших людей? А вчера перепел окно разбил...

– Ну, да! так скажи Ивану Иванычу, что я занят... ступай!

– Слушаю.

Камердинер подошел к молодому человеку и объявил:

– Его сиятельство не совсем здоровы, так просят у вас извинения... Они пришлют за вами, когда вздумают поохотиться, пришлют, – ласково говорил камердинер. Юноша удалился.

Графский дом принял прежний, величественный, строгий вид. В нем воцарился порядок: везде все было убрано, полы были натерты, прислуга ходила на цыпочках. Граф сидел в кабинете, чистил ногти и думал:

«Теперь по всему уезду будут толковать: вот какие он делает экскурсии-то!.. скандал!..»

III

ГОСПОДА КАРПОВЫ

Ближайшим соседом графа был Егор Трофимыч Карпов, отставной полковник, лет восьмидесяти. Он управлял когда-то большими имениями знатных особ, был уездным предводителем дворянства, а в последнее время, пользуясь славою примерного хозяина, тихо доживал век в своем родовом имении с женой, красивой дочерью шестнадцати лет и свояченицей – пожилой девицей. У Карпова есть и сын – студент московского университета: рассчитывая на него как на опору своей старости и опасаясь, как бы молодой человек не сделался «якобинцем» в испорченной среде нынешней молодежи, Карпов почти в каждом письме к нему упоминал: «Если вздумаешь бросить науку, приезжай домой; у твоего отца хлеба хватит...» Сын, успевший перепробовать все факультеты, исключая медицинского, на который он поступил недавно, отвечал отцу, что воспользуется его советом непременно, как только доберется до самого

корня учения. Об образовании своей дочери, которую ожидало хорошее приданое со стороны родителя, Карпов мало заботился, считая самым лучшим украшением человеческой природы – деньги, дающие независимое положение в свете. Как человек старый и притом сильно пожуировавший на своем веку (он женился пятидесяти лет), Карпов безвыездно сидел дома, считая города вертепами разврата – и чуть не разбоя; он без ужаса не мог подумать о каком-нибудь развлечении, на которое подбивали его жена, дочь и свояченица. Только в таком случае, когда все семейство от скуки заболело, старик приказывал кучерам из-прохвала готовить экипажи в город, а жене назначал рублей пятьсот на покупку «разных тряпок». Но как скоро больные поднимались на ноги, Карпов начинал жаловаться на новые времена, будто бы грозившие со дня на день каждому помещику разорением, ссылался на скудные урожаи и советовал отложить всякое попечение насчет поездки в город. Разнообразил свою жизнь старик совсем иначе, нежели как мечтало его семейство: выстроив амбар или починив ко-

нюшню, он вдруг поднимал образа, что называется молился богу. После водосвятия он приглашал церковнослужителей на пирог, а «богоносцев» угощал на крыльце водкой. Жена его в это время сидела в своей комнате, нюхала спирт и спрашивала горничную, поглядывая на мужиков: «Скоро ли уйдут эти люди с запахом?» Она внутренне жаловалась на судьбу, соединившую ее с упрямым, бессердечным стариком (ей было под сорок), так что, несмотря ни на какие усилия с ее стороны мужественно нести свой крест, она всякий раз изнемогала и падала под его тяжестью. Свояченица Карпова в свою очередь негодовала на вечное свое девство и одиночество, волей-неволей заставившие ее изливать свои чувства на больных грачей, выпавших из гнезда галчат и подчиняться грубому произволу старика.

Однажды утром, когда лакей накрывал для чая стол, Карпов, сидя на диване в коротеньком шелковом камзоле и в бархатной ермолке, беседовал с священником своего села о недавних правительственных распоряжениях относительно приходов и церквей^[6]. По-

правляя на голове ермолку и без церемонии зевая, он спрашивал:

– Куда же денутся дьячки и дьяконы?

– По всей вероятности, – отвечал священник, робко приподнимаясь со стула, – поступят в род жизни; а впрочем, может быть, последуют какие-нибудь особые распоряжения... – Священник сел и прибавил, – еще ничего неизвестно.

– Ну, как же наш храм?

– Позвольте вас просить, Егор Трофимыч, взять издержки на себя; так как наш приход маленький, то храм могут запечатать и ваше семейство должно будет ездить за двенадцать верст в село Христовоздвиженское. Что же касается до крестьян, то рассчитывать на их поддержку невозможно; сами изволите знать, у всех дома раскрыты...

– Что могу, то сделаю, – отвечал Карпов, – а без церкви нам нельзя быть.

– Да! поистине доброе дело сделаете, если примете на себя попечение о храме...

Карпов задумчиво поправил на голове ермолку и перекинул одну ногу на другую.

– Так вы были в Погорелове? – спросил он

после некоторого молчания.

– Как же-с! третьего дня ездил туда: приход там настоящий – более тысячи душ, и церковь в исправности. Ну, да ведь и то сказать: графское имение...

– Граф все здесь живет?

– Здесь-с! – запахивая полы рясы, отвечал священник, – говорят, весь погрузился в науки, занимается натуральной историей... Что-то нынче материализм в большом ходу стал: вот села Голопяток священника жена помешалась над этими науками, постоянно читает либо анатомию, либо какие-нибудь человеческие внутренности и все спорит с мужем о бессмертии души.

Карпов засмеялся, прищурился глазами, и быстро передвинул ермолку с одного боку на другой.

– О бессмертии души... Говорит: неужели я должна пропасть!

– Ну, что же муж на это?

– Муж, конечно, говорит: «Чего ты ищешь? что нам с тобою надобно? Живем мы, слава богу». А ведь они люди богатые: за попадьею было приданого тысяч десять; она дочь пол-

кового священника... Само собою разумеется, с детства вращалась среди офицеров и *набавалась...*

В это время в залу вошли свояченица и дочь Карпова, Варвара Егоровна.

– Пора, матушка, пора: не стыдно ли так долго спать? – говорил старик, целуя дочь, – самовар давно на столе, а вы прохлаждаетесь...

– Мы с тетей давно встали, папочка, – отвечала дочь, приготавливаясь делать чай.

– Чего вы брюзжите? – поцеловав Карпова, сказала свояченица, – видите, какое чудное утро? Сегодня мы хотим отправиться в лес... Здравствуйте, батюшка, – отнеслась она к священнику, – благословите...

Священник осенил ее крестом и произнес:

– Надо, Александра Семеновна, пользоваться временем; а то ягоды скоро скосят... да и благо погода стоит.

– О чем вы тут говорили? – спросила Александра Семеновна, садясь за стол.

– Да вот о церквах; о погореловском графе...

– Ну что? Скажите, пожалуйста, что граф?

– Ничего, живет в своем имении, занимается науками... Я недавно туда ездил...

– В самом деле? Что же, вы его не видали?

– Нет-с, видел – мимоездом. Я ехал этак в стороне, а он верхом, в белых брюках.

– Что же, красив он?

– Очень... очень даже красив...

– Ах, боже мой! хоть бы одним глазком взглянуть... Егор Трофимыч! – обратилась Александра Семеновна к Карпову. – Как бы познакомиться с графом?

– Я уж не знаю как; с отцом его я был знаком; а этот живет здесь без году неделю: больше разъезжал где-то. Впрочем, если вам так хочется...

– То что?

– Что, папочка? – весело спросила дочь.

– Вот приедет Вася... Он познакомится с графом...

– Ах да! – воскликнула Александра Семеновна, – хоть бы поскорей приезжал Вася; как вспомнишь эту несносную зиму, боже мой! Я не знаю, как мы живы!..

– А ваш сыночек скоро приедет? – спросил хозяина священник...

– Жду со дня на день... теперь у них экзамены кончились... Мой сын тоже естественник, – внушительно взглянув на священника, заметил старик.

– Естественник? – спросил батюшка, – гмм... да-с! доброе дело!.. Что бишь я слышал про графа? дай бог память!

Все с напряженным вниманием глядели на священника...

– Будто бы он... конечно, может быть, все это пустяки... я сам слышал от людей...

– Да что такое?

– Будто бы он науками-то вовсе не занимается, а с дворовыми людьми бегаёт по полям да перепелов ловит...

– Вздор какой! ну, можно этому поверить? – сказала Александра Семеновна, – вы сами посудите, батюшка.

– Конечно... я слышал... За что купил, за то и продаю...

– Это просто деревенские сплетни!.. Граф, как человек серьезный и ученый, приехал в наше захолустье попробовать применить научные сведения к нашей жизни, а про него распустили слух, что он перепелов ловит!..

Ах, какой народ!.. – На лице Александры Семеновны выразилось негодование, и она прибавила: – Впрочем, гораздо лучше оставить этот разговор: к науке нельзя так легкомысленно относиться... Егор Трофимыч! я вам не сказывала моего горя?

– Что такое?..

– Мой грач, у которого было сломано крыло, сегодня утром скончался...

– Вечная память, – усмехаясь, сказал старик.

– Надо рыть могилку, – присовокупил батюшка.

– А вы как думаете? Неужели я его так брошу... Я ему сейчас пойду рыть могилку... Бедный, бедный! и отчего так скоро умер?.. Бывало, где бы он ни был, только скажи: «Милый грач!» – сейчас отзовется и придет...

– А остальные ваши питомцы живы?

– Слава богу! А насчет графа, батюшка, вы таких слухов не распускайте... пожалуйста! ведь это ужасно!! это ни на что не похоже...

– Помилуйте, мне самому говорили...

– Я вас покорнейше прошу...

Александра Семеновна попросила себе

другую чашку чаю, утерлась платком и замолкла: на ее лице выступила краска. Старик, глядя на нее, посмеивался. Батюшка, поняв свой промах, переменял разговор:

– Все помаленьку начинают съезжаться в деревни: теперь в городах тяжело... пыль... Вот, говорят, Новоселов приехал из Петербурга.

– Наш сосед – Андрей Петрович? – спросил старик.

– Да-с! Говорят, дня три или четыре тому назад прибыл.

– Каков? и до сих пор не проведает нас... Значит, он до сих пор не определился на службу... Станный человек! ведь получил университетское образование... он тоже натуралист.

– Человек добропорядочный. Этого нельзя отнять... В залу вошла хозяйка с бледным лицом и томными

глазами, в белом пеньюаре: в руках у ней был флакон с духами. Приняв благословение у священника, она обратилась к мужу:

– Там, к тебе, мой друг, пришли мужики: должно быть, насчет земельки... – Она с

усмешкой посмотрела на батюшку, – не могу равнодушно смотреть на этот народ; со мной сейчас делается дурно...

На улице вдруг раздался звон колокольчика: все семейство устремилось к окнам. Тройка почтовых лошадей подъезжала к церкви. Священник, взглядываясь в проезжающего, говорил: «Уж не к нам ли из консистории?..» Но тройка, миновав церковь, повернула прямо к дому Карповых. Женщины вскрикнули:

– Вася, Вася!

Все вышли на крыльцо, к которому подъехал бравый молодой человек в белом пальто. Это был сын Карпова. Произошла обычная сцена свидания; зазвучали поцелуи, посыпались расспросы; батюшка, поздравив Карповых с радостью, отправился домой. Через полчаса молодой человек сидел за самоваром в кругу родного семейства. Сообщив некоторые подробности из своего путешествия, он объявил:

– Ну-с, уведомляю вас, что университет я оставил.

– Как так? – спросили все.

– Очень просто. Завершаю свое образова-

ние и поселяюсь здесь с вами.

– Что же ты будешь делать? – спросила мать.

– Буду знакомиться с хозяйством, охотиться, изучать химию. Это мой любимый предмет. Да и, наконец, папаша слаб, я ему буду помогать. – Студент поцеловал руку отца и спросил: – Ты не сердись на меня, что я бросил университет?

– Помилуй! напротив! Я же тебе писал несколько раз: приезжай, как только вздумаешь.

– Послушай, Вася! – возразила Александра Семеновна, – неужели ты с этих пор хочешь закабалить себя в деревне?

– Да! Закабалить! – энергично сказал молодой человек, – а знаете вы причины, почему я оставил университет? Ведь вы их не знаете. Вы не можете себе представить, что такое медицинский факультет!..

Старик усмехнулся и сказал:

– Вот то же самое он говорил про юридический и филологический факультеты: «Вы не можете себе представить!»

– Ну, да с этими факультетами я покон-

чил, – более и более воодушевляясь, говорил юноша, – теперь послушайте, что я вам скажу про медицинский. Я не могу до сих пор понять, каким образом медицина в моей голове перевернула все вверх дном! познакомившись с нею, я совершенно охладел к жизни, даже потерял всякое уважение к людям. Ей-богу... Вообразите себе: всякий из нас, как известно, любит цветы, например; да и в самом деле, они прелестны, – чудо в своем роде, как чудо все, что только произвела природа. Теперь не угодно ли вам послушать университетские лекции об этих цветах или вообще о растениях: вам, зевая, нехотя, потому что профессорам надоело несколько десятков лет читать одно и то же, сообщают, что чашечка пятиразверзная, пестик один, листья перисто-выемчатые, обратно-яйцевидные и т. д. И все это читается вяло, монотонно, как будто профессора отбывают самую несносную для них повинность... Затем представьте себе эти распластанные, изрезанные трупы, этих молодых людей с ножами...

– Фи! не рассказывай, пожалуйста, – воскликнули дамы, – *c'est affreux!*..[3]

– Нет, ведь это любопытно. Раз я вхожу в физиологический кабинет и вдруг вижу: студент лет семнадцати разрезает брюхо живому щенку; несчастное животное распластано на столе и крепко привязано за все четыре ноги; морда тоже завязана, и щенок издает глухой страдальческий стон.

– Боже мой!.. какое варварство!.. – воскликнули дамы. У Варвары Егоровны на глазах появились слезы. Студент продолжал:

– Нужно было видеть это бессердечие, с которым молодой человек тиранил бедное животное. Во время этой вивисекции он держал в зубах сигару и то и дело отходил в угол к товарищам, с которыми беседовал о Шуйском⁽⁷⁾, о Тартюфе⁽⁸⁾ и т. д. Или такое зрелище: толпа молодых людей, окружив чахоточного больного, выслушивает его грудь и чуть не с восторгом кричит: «Великолепные каверны!» Да что! это я вам рассказал миллионную долю... а состав, а правила университетские!.. Обо всем этом надо написать такое же многотомное сочинение, как «История Российского государства» Карамзина.

– А мы думали, что ты будешь доктором, –

заметила мать.

– Какой я доктор? помилуйте! да и теперь все порядочные медики сознаются, что лечить значит шарлатанить, что самый лучший врач – натура, а самое лучшее лекарство – хорошая пища, правильный образ жизни и тому подобное.

– Ну, отчего же ты бросил филологический факультет? – спросила Александра Семеновна.

– Я уж вам говорил, что там частицу *quod* объясняют несколько лекций: как употреблял ее Цицерон, Корнелий Непот, Тацит, Тит Ливии...

– А юридический?

– Об этом и говорить не стрит! это не что иное, как факультет пустозвонства. И какой из меня может быть юрист? Обвинять преступника, ссылать его на каторгу я не могу... Впрочем, я знал бы, что делать... у меня есть свой кодекс...

– Ну уж, пожалуйста, не умничай...

– Слушаю. – Студент взглянул на сестру и спросил: – Что это? ты никак плачешь, мой друг!

– Мне жаль щенка! – вымолвила Варвара Егоровна, – бедный!

Студент обнял сестру.

– Добрая душа, ты еще не знаешь, что люди подчас бывают хуже зверей. Впрочем, не дай бог тебе познать эту истину!.. Ах да! я вам и не сказал самого интересного: ведь я заезжал к Новоселову: он уже несколько дней как приехал из Петербурга... Вообразите себе... Подъезжаю к его хате, смотрю, дверь отперта. Думаю, не сам ли хозяин тут? Вхожу и вдруг вижу, что вы думаете? Андрей Петрович Новоселов сам готовит себе обед, стоит перед печкой и смотрит, как варится каша. Спрашиваю: «Андрей Петрович, что с вами?» Он говорит: «Как видите, готовлю обед». А было дело часов в восемь утра: значит, он держится русского обычая насчет обедов: готовит кушанье в затопе. «Как вы сюда попали? давно ли из Питера?» – «Из Петербурга я, говорит, дней пять». А уж он около двух лет не был в своем имени. Я ему объявил, что бросил университет. «Ну, а вы что? спрашиваю, не пробовали служить?» – «Пробовал, говорит, разумеется, бросил все и решил жить здесь, в своей ха-

те». – «А делать что же будете?» – «Как что? Буду пахать землю». Я так и повесил нос... Вот тебе и наука! Человек с университетским образованием хочет пахать землю...

– Чудеса!.. – усмехаясь, проговорил старик.

– Ну, это одна фантазия! – воскликнули дамы.

– Нет, не фантазия! вопрос о, пахоте недавно был возбужден в нашей литературе...

– Да не помешался ли Новоселов?

– Он-то не помешался! А не помешался ли весь наш общественный строй!.. – грозно произнес юноша.

– Что же, ты просил к себе Новоселова? – спросил старик.

– Он обещался приехать сегодня вечером. Мне было хотелось с ним поговорить побольше, да я спешил домой и его не хотел стеснять.

Все призадумались.

– Нечего сказать, – проговорила Александра Семеновна, – грустные времена: ни за что гибнут лучшие силы!..

– Вот бы вас заставить работать! – обратился старик к дамам, – жать, молотить... на пруд

ходить... А то постоянно пищат: «Папочка! поедем в город! там театры, концерты...» И ты тоже, баловница, – сказал старик дочери: – «Поедем, папочка, в Москву!» – уши прожужжала... Я вот тебя заставлю огурцы солить да за индюшками ходить.

– Ну уж, пожалуйста! мы и так едва ноги таскаем... – сказала Александра Семеновна.

– Нет! – продолжал студент, – я теперь про светлел! И слава богу! Я понял, что такое наше образование... Оно калечит людей, выжимает из нас всю кровь... Недавно я читал где-то, что школа имеет на учеников самое губительное влияние: молодые люди тупеют, чахнут, а некоторые даже перестают расти, – так что под губительным влиянием школы люди начинают вырождаться... Насчет наших гимназий – так там прямо сказано, что педагоги своими уроками гонят учеников, как почтовых лошадей... Славные ямщики!..

– Что же, по-твоему, так и оставаться невеждой? – возразила мать.

– Лучше невеждой, – проговорил молодой человек, – но здоровой, рабочей силой, нежели сухим буквоедом и ученым бюрократом,

да вдобавок еще...

Студент встал и объявил:

– Довольно об этом!.. Пойдемте лучше в сад... Что, жива моя лошадь?

– Жива, – сказал старик, – ходит в пристяжке.

– Ну, а твои собаки, куры? – спросил Василий Егорыч сестру.

– Пойдем, я тебе покажу: посмотри, Вася, какие у меня цыплята...

Варвара Егоровна взяла брата под руку, и все отправились в сад.

Любуясь цветами, зеленью, липовой аллеей, молодой человек говорил:

– Ах, как у вас хорошо! Земной рай! Итак, папа, ты не сердись, что я приехал? Да и почему мне не посвятить тебя агрономии? ведь ты более половины своей жизни занимался хозяйством... А по теории Дарвина яблоко недалеко падает от яблонки.

Из сада все семейство отправилось во флигель, старинное здание, выстроенное на случай приезда гостей, где должен был жить Василий Егорыч. Осмотрев комнаты, молодой человек назначил одну из них для Новосело-

ва и решился просить его перебраться сюда на целое лето, так как земля Новоселова сда-на была в аренду до сентября, значит до того времени делать ему было нечего в своем имении; а если он непременно захочет пахать, то Василий Егорыч обещался снабдить его и со-хою и лошадью. Не рассчитывая на знаком-ство в своем околке, молодой человек доро-жил Новоселовым как человеком просвещен-ным и бывалым, с которым не будет скучно всему семейству. Женщины известили его о приезде графа, о его ученых занятиях; они принялись упрашивать Василия Егорыча съездить в Погорелово, сделать визит графу. Молодой человек изъявил свое согласие. На обратном пути к дому Александра Семенов-на сказала своей племяннице:

– Ты, Варя, смотри не влюбись в графа. Я знаю, Новоселов не произведет на тебя впечатления... ты его уж знаешь... но граф... граф... Я боюсь за тебя...

– Меня они оба интересуют, – сказала де-вушка.

– Новоселов-то чем же?

– Как же, тетя! такой умный человек, а хо-

чет пахать.

Александра Семеновна засмеялась и сказала:

– Да это он просто хочет прослыть за оригинала. Но граф... я заочно влюблена в него!..

– Я тоже с нетерпением хочу видеть этого столичного льва, – сказала Карпова.

– Заварил ты у меня кашу! – заметил старик сыну, – бабы-то уж теперь влюбились в графа.

Карпова обняла мужа и, целуя его, сказала:

– Да разве я променяю тебя на кого-нибудь? Что нынешняя молодежь? На что она похожа?

– Нет, мой друг, – заметил старик, – я хорошо помню пословицу: «Не верь коню в поле, а жене в подворье!»

IV НОВОСЕЛОВ

После обеда молодой Карпов отправился во флигель соснуть, так как он проехал более тысячи верст не отдыхая. Старик, по всегдашнему своему обыкновению, сидел в комнате жены в огромных, старинных креслах и дремал. Накрыв его платком от мух, Карпова ушла наверх, где Александра Семеновна, при помощи горничной, рассаживала цветы. Варвара Егоровна с дворовыми и крестьянскими девицами качалась в саду на качелях. Мало-помалу спустились сумерки. Зала осветилась лампой. На столе явился самовар.

Около девяти часов к крыльцу подъехала крестьянская телега, из которой вылез плотный мужчина лет тридцати двух, с окладистой бородой, в сюртуке и в русских сапогах.

– Прикажете подождать? – спросил мужик.

– Нет, ступай! Отсюда я как-нибудь доеду, – сказал гость, – вот тебе за труды...

Мужик снял шапку, взял деньги и, стоя на коленях в телеге, задергал вожжами лошадь,

к морде которой начали бросаться собаки. В это время из сада выбежала, с большой куклой на руках, Варвара Егоровна и закричала на собак; они, искоса поглядывая на госпожу, вдруг смолкли и начали расходиться по сторонам.

– Здравствуйте, Варвара Егоровна! – пожмая руку девушке, сказал гость, – как вы выросли!.. и узнать нельзя...

– Ведь мы с вами не видались около двух лет, – отвечала Варвара Егоровна, – вы тоже изменились, Андрей Петрович, пополнели, обросли бородой...

– И постарел, – добавил гость. – Что это, вы в куклы играете?

– Да, играю; посмотрите, какая славная кукла: крестьянская баба, в поняве, в лаптях...

– Ваши дома?

– Дома; брат Вася во флигеле. Катя! – обратилась Варвара Егоровна к одной из дворовых девиц, – завтра приходи опять качаться да захвати с собой гармонию...

– Варвара Егоровна, а нам приходиться? – спросили крестьянские девушки.

– Непременно, да чтобы песни играть и

плясать...

– Вы весело проводите время, – говорил гость, входя в переднюю...

– Еще бы!.. – проговорила девушка и в одну минуту очутилась в зале с известием: – Знаете, кого я привела? Андрея Петровича.

В зале сидели дамы и старик. Молодой Карпов еще не просыпался. При появлении Новоселова дамы воскликнули:

– Давно пора вам показаться... Где это вы пропадали, Андрей Петрович?

– Садитесь-ка, – сказал старик.

– Фи! да он в русских сапогах! – воскликнула Карпова. – Варя! подай мне флакон... Что с вами? не совестно вам так одеваться?

– Что ж, – осматривая свою одежду, говорил гость, – я не знаю, чем дурен мой костюм?

– Ничего! В деревне надо жить по-деревенски, – заметил старик. – Ну-ка, рассказывайте, где были, что видели...

Новоселов сел за стол.

– В последнее время я жил в Петербурге и часто, Егор Трофимыч, вспоминал вас: помните, вы когда-то говаривали, что в Петербурге живут одни не помнящие родства...

– Ах да, да... что ж, разве это не правда? Признаюсь, не люблю я этого города! – сказал Карпов, – вертеп...

– Ну, а на службу не поступили до сих пор? – спросила Александра Семеновна.

– Какая служба! Бог с ней!

– Что же! вы ведь не Рудины... вы люди новые, – вам стыдно без дела шататься...

– Зато у нас и другие вопросы, нежели у Рудиных: те век целый исполинского дела искали...^{9}

– А вы что же?

– А мы не погнушаемся и черной работой...

– Скажите, Андрей Петрович, правда, будто вы хотите пахать землю...

– Совершенная правда. Вас это изумляет?

– Кого это не изумит? При ваших сведениях вы хотите взяться за соху.

– Вот сведения-то и привели меня к тому, что надо взяться за соху... Знаете ли что, Александра Семеновна: мы так привыкли есть готовый хлеб, что уж не только пахать, просто купить себе к обеду провизии на рынке мы считаем за дело недостойное нас. Странно то, что есть нам не стыдно, а добы-

вать пищу стыдно.

– Bravo! bravo, – сказал старик, – хорошенько их, а то только и слышишь: «Ах, какая скука! боже! какая скука!..» А отчего? – все от безделья!..

– Впрочем, я не знаю, как для кого, – продолжал Новоселов, – по крайней мере относительно себя я решил...

– Пахать? Ну, а нам, по-вашему, жать и снопы вязать?

– Позвольте, чем же дурно это занятие? По моему, все же лучше взяться за черную работу, нежели жить так, как живет весь наш так называемый образованный класс. Нет-с, Александра Семеновна, в природе существует правда: вы посмотрите, все эти образованные, устроившие себе карьеру – задыхаются от скуки...

– Значит, вы идете против образования, против науки?

– Нет, я ратую только против такого образования, какое существует у нас. Просвещаемся мы из-за погони за карьерами, полагая все свое счастье в окладах да в квартирах; мало того, мы добиваемся совершенной праздной

сти; в настоящее время весь Петербург, вся Москва, весь цивилизованный русский мир хочет выиграть двести тысяч – для чего? для того, чтобы всю жизнь лежать на боку со всем своим потомством... Зато посмотрите, что делается в Петербурге-то!

– Что такое?.. Расскажите-ка, Андрей Петрович, – смеиваясь, сказал старик.

Новоселов закурил сигару.

– В нашей северной Пальмире, особенно в последнее время, когда учение Дарвина, понятое в смысле обирания ближнего, вошло в плоть и кровь каждого, процветает непроходимая тоска. Петербургский житель (я разумею петербуржца обеспеченного) чувствует в себе такую неисходную пустоту, что ему страшно остаться с самим собой наедине, как ребенку в темной комнате. Не угодно ли вам взглянуть на Невский около двух часов пополудни, когда столичное население с бодрыми силами несется за впечатлениями; это население, как рыба в жаркое время, шарахается в разные стороны: тоска выгнала всех из домов и преследует даже по улице, массы людей в скунсовых и бобровых шубах. Все пред-

приняли поход против общего врага – ошеломляющей скуки. При этом замечательно то, что, как говорил когда-то Роберт Овэн⁽¹⁰⁾, *все во вражде с каждым, и каждый во вражде со всеми*. Поголовное отупение доходит до такой степени, что лишь только часовая стрелка укажет шесть с половиною вечера, по всем улицам сломя голову летят кареты, тройки, кукушки, рыболовы, и все это стремится в театры, как в овчую купель, в чайнии омыться от проказы, все как будто вдруг почувствовали приближение смерти... А ведь кажется, чего бы желать всем этим людям в бобрах да в скунсах? Слава богу, все есть... удобства на каждом шагу: обидел кто – есть суд: даже на каждом перекрестке стоит полицейский чиновник, который смотрит, не задели бы вас плечом, оглоблей, не сказали бы вам дерзкого слова. Есть хотите? тысячи ресторанов и трактиров к вашим услугам. Об увеселениях и говорить нечего... Между тем скука, как море, волнуется повсюду. Так предложить нашему образованному классу пахать землю – давно пора!.. На что весь этот люд народу? Цивилизация, основанная на тунеядстве, развра-

щает только людей, делает их отребьями мира сего... Вы вспомните хоть одно: например, в вашем пруде кто-нибудь утонул... ведь ни мы с вами, ни один петербургский «прогрессист» не полезем туда, особенно в октябре... а любой мужик полезет, намочится, простудится и все-таки достанет своего ближнего... Мы же будем красноречиво рассуждать о гражданских доблестях, разыгрывать из себя одержимых гражданской скорбью... Вот почему, Александра Семеновна, я и обратился к сохе, в надежде хоть сколько-нибудь себя исправить... Мы Сатурново кольцо, отделившееся от планеты, или, вернее, нарыв, которому надо же когда-нибудь прорваться... При этом нельзя не вспомнить Руссо, который в своем «Эмиле» советует добывать насущный хлеб собственными руками: вам, говорит, не будет тогда надобности подличать, лгать перед вельможами, льстить дураку, задобривать швейцара и т. д.; пускай мошенники заправляют крупными делами, вам до этого нет дела; добывая же своими руками хлеб, вы будете оставаться свободными, здоровыми и честными людьми...

– Да, Андрей Петрович! – вдруг воскликнул старик, – все это хорошо, прекрасно, умно: вам Петербург надоел, служить вы не хотите, значит решено!.. Вот что: в самом деле – поселитесь с нами в деревне и принимайтесь хозяйничать... По опыту вам скажу – лучше ничего не может быть на свете, как сельское хозяйство... Я уверен, что вы его страстно полюбите... Но только этот вздор выкиньте из головы.

– Какой вздор?

– Самому пахать землю... Как это можно!..

– О, нет, Егор Трофимович... Я решился...

– Ну, как хотите! Я уверен, однако, что вы сами скоро убедитесь, как много вы еще не знаете, хотя и странствовали долго по белу свету... Во всяком случае, поживите-ка у нас пока... давеча Вася хотел вас просить об этом... он и комнату вам приготовил...

Старик потрепал гостя по плечу.

Особенная любезность и внимание, которые проявил старик в отношении к Новоселову, имели своим источником весьма житейское обстоятельство. Слушая проповеди Андрея Петровича, он мысленно делал им под-

строчный перевод такого содержания: проповедник, как видно, угомонился – он у пристани; те беспокойные страсти, которые обуревали юношей, сменились определенным, трезвым взглядом на жизнь; города, эти омуты разврата и мотовства, потеряли для него обаятельную силу; человек установился, и нет никакого сомнения, что из него выйдет дельный, расчетливый и трудолюбивый хозяин, у которого, однако, весьма порядочное имение. Сверх того, старик знал Новоселова как доброго и честного своего соседа: слушая с удовольствием его энергические рекламы против мотовства, дармоедства, праздности городской жизни, Карпов в то же время с необыкновенною нежностью поглядывал на свою дочь, составлявшую предмет его родительской заботливости и даже тревоги относительно ее будущности, так как, по его мнению, во всем околотке не было ни одного молодого человека, на которого бы он мог рассчитывать как на будущего зятя и который бы, женившись на Варваре Егоровне, не промотал ее состояния. Новоселов же представлял много задатков, обеспечивавших роди-

тельские надежды и планы... «По крайней мере не мешает поприглядеться к Новоселову», – решил старик. Дамы, напротив, не только не увлеклись пропагандой Новоселова, но даже видели в ней прямую солидарность со взглядами и убеждениями Карпова, закабалившего их в такую труппу, из которой они день и ночь думали вырваться, как из острога, поэтому они и не рассчитывали на Новоселова как на зятя; по их мнению, зять должен быть их спасителем: он никак не должен порицать городов уже по одному тому, что в городах есть театры и разного рода увеселения. Таким спасителем мог быть только человек светский, *galant homme*[4], жуир, но ни в каком случае не пахарь и проповедник сохи.

– Ну что вам там делать в своем имении, – говорил старик Новоселову, – земля ваша сдадена в аренду; ни прислуги у вас, ни заготовленной провизии; ведь вы как с неба свалились в свою хату. Поживите-ка у нас, и нам с вами будет веселей...

– Действительно, – отвечал Новоселов, – до первого сентября мне делать нечего на своей земле...

– Ну и погостите у нас...
– Если я останусь у вас, то с условием...
– Говорите, с каким? – отвечал весело старик.

– Пахать землю... до сентября...
– В чем же дело? ну, вам дадут соху и клячу. Пашите, коли охота берет... Я знаю, что вы скоро набьете оскомину...

– Не беспокойтесь! Я положил себе за правило каждый день, во что бы то ни стало, вспахать полдесятины...

– Фуй!.. Оставьте, пожалуйста, ваши замыслы... – воскликнула Карпова, – право, я уж и сама начинаю сомневаться в пользе образования: ну, скажите, чему вас выучили? Пахать землю!.. Варя! подай мне *vinaigre de toilette*...[5]

В это время вошел молодой Карпов.

– А! Андрей Петрович! вот это делает вам честь, что сдержали слово; а уж я вам приготовил комнату, да еще какую: с цветами и огромной картиной, представляющей избие-ние десяти тысяч младенцев во времена Ирода⁽¹¹⁾. Давно вы приехали?

– Только сейчас.

– А уж он нам тут говорил такие проповеди! – сказала Карпова.

– Что, о пахоте? – спросил молодой Карпов.

– Нет, – подхватил старик, – я, с своей стороны, очень благодарен Андрею Петровичу: ей-богу, дело говорил, особенно насчет Петербурга... что дело, то дело! А и впрямь все хотят есть хлеб на боку лежа, да еще обманывать друг друга... от прощелыг отбою нет!.. Нет, вы, Андрей Петрович, пожалуйста, поживите у нас...

– Разумеется, – сказал сын. – Да разве я его пущу отсюда? Итак, решено? вы остаетесь? А на днях съездим с вами тут к некоему графу... Интереснейший тип! аристократ, изучающий естественные науки. Понимаете, граф-натуралист...

– Ах, Вася, пожалуйста, съездите, – сказали дамы, – да вы ступайте завтра! что вам тут делать? А то чего доброго граф уедет куда-нибудь – и останемся на бобах...

– С какой же стати я-то поеду? – возразил Новоселов, – я с ним не знаком, да и нет никакой крайности с ним знакомиться...

– Андрей Петрович! мы все вас просим! –

заговорили дамы. – Что вам стоит съездить?

– Бестолковые бабы! – перебил старик. – Скажите, ради Христа! на что вам этот граф?

– Послушайте, любезнейший Егор Трофимыч, – возразила Александра Семеновна, – не вы ли сами давеча говорили, что приедет Вася, он познакомится с графом; ведь это ни на что не похоже!.. вы уж начинаете отпираться от ваших слов.

– Ну, делайте, как хотите! – зажимая уши, сказал старик.

– Итак, Андрей Петрович, вы согласны?.. – объявил молодой Карпов.

– Андрей Петрович! Я вас прошу, – сказала девушка, – съездите...

– Варя вас просит, – сказали дамы.

Старик вдруг погрозился на дочь и сказал:

– И ты, негодная, туда же?.. Постой ты у меня: недаром я тебя хотел заставить индюшек стеречь...

– Что ж, папочка, разве я не сумею? – возразила дочь, – я, пожалуй, и огурцы буду солить, как вы говорили...

– Так тебе хочется познакомиться с графом?

– Я ни разу не видала ни одного графа: какие они такие бывают?

Все расхохотались. Старик поцеловал дочь и сказал ей:

– Ну, спой же ты нам что-нибудь...

– А вы поете? – спросил Андрей Петрович.

– И как еще поет! – воскликнул старик, – впрочем, одни русские песни... Я, признаться, терпеть не могу иностранных. Варя! «Выду ль я на реченьку». – Старик начал: – «Вы-ы-д-у-ль я...»

Девушка взяла аккорды и запела; молодые люди подхватили. Старик, сидя на диване, с большим чувством пел: «По-о-осмотрю ль на быструю...» – причем он громко отбивал такт ногой.

– Неправда ли, хорошая песня? – спросил он, – и все это так просто...

– А вы поете прелестно! – обратился к девушке Новоселов, – у вас очень сильный сопрано.

– Ага! она у меня, батюшка, знатная певица! – сказал старик, – а главное, все самоучкой... Ну-ка, Варя – «Стонет сизый голубочек».

По окончании пения дамы объявили: «Гос-

пода! надо распорядиться насчет экипажа».

– Папа, мы поедem в тарантасе, – сказал сын.

– Неловко! – возразили дамы, – надо в коляске...

– Разумеется, к нему надо ехать в коляске, – сказал старик, – он хоть лыком сшит, а все же его сиятельство.

Дамы, тронутые любезностью старика, принялись целовать его, и вечер, к общему удовольствию, окончился весело...

Молодые люди отправились во флигель. Хозяин вышел на крыльцо проводить их. Сверху, с балкона, раздался женский голос: «Покойной ночи...»

– Все ли у вас там есть: подушки, одеяла? – спрашивал старик.

– Все, все!

– Не нужно ли вам провожатого?

– Прощайте!.. не надо!

Между тем как уже далеко было за полночь и во флигеле было темно, в доме светились огни: там шла оживленная беседа по поводу предстоящего знакомства с графом. Дамы собрались в кабинет хозяина и энергиче-

ски внушали ему мысль, что граф, сообразно своему званию, вдоволь пожуировавший и наскучивший пустотой светской жизни, непременно должен обратить внимание на Варю, как на свежий полевой цветок; ибо известно, что люди, изнеженные утонченностью цивилизации, всегда обращаются к простоте, к дубравам и сельским девам: они приводили в пример карамзинского Эраста, вспыхнувшего благородною страстью к «Бедной Лизе», Евгения Онегина и Татьяну, наконец Фауста, влюбившегося в простую, необразованную девочку Гретхен. С этими странностями человеческой природы старик был знаком по собственному опыту, и как человек, в свое время с избытком вкусивший благ земных, он не возражал дамам. Но его расчеты на графа, как на будущего зятя, не согласовались с воззрениями дам именно в том отношении, что граф есть не что иное, как вулкан; кто может поручиться, что этот вулкан угас?.. Старик даже уверял, что природы, подобные графским, княжеским, баронским и т. п., представляют собою вулканы почти неугасаемые. Чтобы умерить воодушевление, с кото-

рым дамы относились к погореловскому графу, Карпов приводил в пример Геркуланум и Помпею, за свою излишнюю доверчивость засыпанные огненной лавой Везувия. Он высказал, что гораздо основательнее рассчитывать на Новоселова, который испытал в своей жизни много горя, с раннего возраста лишился отца и матери, лбом пробивал себе дорогу, приобрел твердый характер и правильный взгляд на жизнь. Зная упрямство старика, дамы ему не возражали относительно достоинств Андрея Петровича, но вместе с тем они дали заметить старику: отчего же не сблизиться с графом, как с владельцем огромного имения? Притом есть много вероятностей, что граф даже совсем не обратит внимания на Варвару Егоровну; правда, она очень красива, умна, недурно поет; но она мало развита, ее манеры чересчур резки, у ней нет дара слова; а уменье петь русские песни едва ли будет иметь какое-нибудь значение в глазах великосветского человека, слух которого воспитан на утонченных мелодиях итальянской музыки. Старик был побежден этими доводами, он не мог не сознаться, что дамы говори-

ли правду, и ему стало обидно при мысли, что граф, чего доброго, не удостоит внимания его дочь.

Так как беседа велась дамами в самом восторженном тоне, неволью увлекавшем самого старика, то и кончилась она в пользу того мнения, что Варе не мешает из себя представить нежную лилию или нетронутый бутон, который мог бы заинтересовать графа не только как натуралиста, но и как знатока дела. При этом решено было уговорить юношу обращаться с графом наивозможно любезнее, так как студент не раз заявлял свое пренебрежение к аристократам, называя их выродившейся расой.

Господин пахарь (Новоселов), по мнению дам, был как нельзя лучше на своем месте: проповедуя соху, он тем самым убеждал людей, подобно Руссо, обратиться к природе, к ручейкам и лесным дебрям, где именно и произрастают такие пленительные цветы, как Варвара Егоровна; поэтому есть надежда, что его сиятельство тотчас, устремится к этому цветку, благодаря тому, что не встретит в означенных дебрях казенной вывески, кото-

рую он привык встречать в городских парках: «Травы не мять, собак не водить» и т. д.

Во время этого шумного собрания Варвара Егоровна покойно спала на своей постельке, нимало не предвидя роли, какая ее ожидала с завтрашнего же утра. Так как Александра Семеновна спала в одной комнате с девушкой, то, пришедши наверх со свечой в руке, она долго смотрела на спящую племянницу; по-видимому, ее обуревали тревожные мысли. Девушка вдруг проснулась и с изумлением устремила взор на свою тетю.

– Варя, друг мой, – исполненная какого-то вдохновения, проговорила Александра Семеновна, – если бы ты знала, о чем я думаю...

– О чем, тетя? – с беспокойством спросила девушка. Тетя медленно опустилась в кресла и голосом, в котором слышалось утомление, произнесла:

– Ах, мы сейчас долго толковали о тебе, мой друг... Видишь ли, – надо говорить правду. Ты хороша собой... почему знать? может быть, ты будешь графиней... графиней, мой друг! это великое слово!

При этих словах Александра Семеновна

чуть не заплакала, а девушка испуганно вско-
чила с постели.

– Что с вами, тетя?

Александра Семеновна закрыла лицо рука-
ми.

– Тетя, милая, о чем вы плачете?

– Нет, я так... я не плачу, мой друг, – утира-
юсь платком, говорила Александра Семенов-
на, – мне грустно стало; я вспомнила свою
жизнь, и мне показалось, что ты, которую я
так любила, любила более, нежели самое се-
бя, ты забудешь меня... Но я успокоилась...
будь что будет... видно, не вернуть того,
что уже давно унеслось в вечность. Вот в чем
дело, моя милая, – начала Александра Семен-
овна. – Ты уже знаешь, что Вася завтра хочет
ехать к графу. Нет никакого сомнения, что
граф познакомится с нами: ему приятно будет
у нас благодаря таким людям, как Новоселов
и твой брат, с которыми он будет беседовать
об ученых предметах. Но кто знает? может
быть, ты ему поправишься... Ах, Варя! я без
волнения не могу вспомнить об этом! Пред-
ставь себе, граф! роскошный дом, аристокра-
тическая обстановка, щегольские экипажи...

пойми, мой друг, какая жизнь ожидает нас всех! Он человек богатый, у тебя у самой прекрасное состояние. Мы могли бы все за границу ездить, в Петербург, уж я не знаю куда! Ох! мои нервы не выносят этих картин. Господи! – вдруг обратилась она к образу, – неужели для меня нет радости в жизни... Нет! ты щедр, долготерпелив и многомилостив...

Затем началось нечто вроде репетиции для Варвары Егоровны: тетя принялась ее учить, как можно дальше держать себя от графа, но так, однако, чтобы ни в каком случае не терять его из виду; не позволять ему целовать ни одного своего пальчика, поменьше с ним разговаривать, ходить постоянно с куклой в руках и раз навсегда сказать графу, что папаша ей и думать не приказал о замужестве прежде, нежели ей исполнится двадцать лет, на том основании, что только с двадцатилетнего возраста девушка начинает входить в смысл. А если Варвара Егоровна заметит, что граф начинает увлекаться ею, тогда еще более надо его томить и мучить; самой же быть холодней и неприступней.

V ПОЕЗДКА

С восходом солнца в барском доме вес началось пробуждаться; кучера повели поить лошадей; горничные принялись бегать из кухни в дом и обратно с накрахмаленными юбками, утюгами, ботинками; кузнец справлял стоявшую у крыльца коляску; по двору бродили больные грачи – питомцы Александры Семеновны. Старик Карпов давно проснулся и, утираясь полотенцем, посматривал из своего кабинета, как водовоз запрягал свою лошадь; он спрашивал, почему в водовозку не запрягают другую лошадь и отчего наливка, которою черпают воду, никогда не привязывается к бочке; мимо барина, по направлению к саду, с низкими поклонами прошли деревенские бабы с люльками за плечами и заступами в руках; впереди их шел садовник, седой старик в белом фартуке: барин сделал и ему несколько вопросов; завидев вдали медленно шедших мужиков без шапок, барин приказал подавать себе одеваться. Во флигеле, при

громком кудахтанье кур, молодой Карпов, лежа в постели, спрашивал лакея:

– Барыни встали?

– Никак нет; барин поднялся: они с мужиками занимаются.

– Андрей Петрович! – громко крикнул Василий Егорыч.

– Чего? – послышался хриплый голос из другой комнаты.

– Вы проснулись?

– Проснулся.

– Хорошо спали?

– Великолепно. Что это у вас за писк на потолке?

– Крысы; должно быть, у них идет борьба за существование; флигель старинный: целые поколения развелись.

Василий Егорыч накинул халат и вышел в залу, где отворил все окна, выходящее в сад: там, среди кустов сирени и акаций, бродили наседки с цыплятами, чирикали воробьи и распевали петухи.

– Андрей Петрович! какая, батюшка, погода! ни один листок на дереве не шевельнется. Тю-тю-тю! – вдруг закричал Василий Егорыч.

рыч, – Иван! впусти щенка.

Лакей Иван отворил дверь, и в залу вошел маленький черный щенок, пригибая голову перед хозяином и ласково виляя хвостом. Василий Егорыч взял его на руки и поцеловал в голову.

– Где это вы были? где таскались?

– С кем вы там разговариваете?

– Вот с дорогим гостем: посмотрите, что за прелесть!..

Василий Егорыч внес щенка в комнату Новоселова и положил его на постель.

– Это Варин... Я не знаю, как он сюда попал: им в саду выстроена будка. Варя страшная любительница по части кур, голубей, собак и всякой твари. Вы посмотрите, глазки какие!

– Да! я уж не раз думал об этом, – говорил Новоселов, прикрывая щенка одеялом, – у животных гораздо лучше глаза, чем у многих людей.

– Это верно! у какого-нибудь московского сановника или у Удар-Ерыгина с Кузнецкого моста – глаза черт знает на что похожи: точно у аллигатора... впрочем, и у этого земновод-

ного они хоть любопытней и не столь отвратительны... Вот окружу себя здесь бессловесными животными и буду жить, как натуралист Франклин... погружусь в химию, буду производить разные анализы.

– В последнее время, – начал Андрей Петрович, – этих городов, признаться, я видеть не мог. Пробовал перебраться в Москву, но в Москве еще больше безобразий, нежели в Петербурге: татарщина в полном разгуле, с примесью какого-то старушечьего мистицизма и капустного запаха... Я было думал в Москве определиться на службу; но с одним университетским дипломом, как оказалось, хоть лоб разбей – ничего не сделаешь: надо сперва несколько раз забежать с заднего крыльца к графине Чертопхановой; притом на естественников смотрят, как на антихристов... Пытался пробовать счастье в губернских городах, хотя в писцы поступить... но там всё играет в карты, пьянствует и спит после обеда... Об уездных городах и говорить нечего: там ведут еще речь о том, что правда ли, дескать, земля вертится?

– Экая мерзость! – вздохнув, сказал Васи-

лий Егорыч, задумчиво глядя в окно.

– Я, признаться, только и пришел в себя, как очутился в деревне: вы не можете себе представить, до чего доходила моя радость при виде этих полей, березовых рощиц, грачей и так далее.

Лакей принес газеты и объявил:

– С почты привезли...

– Ну-ка посмотрим, что новенького? – сказал Василий Егорыч, срывая обертки с газет, – все об обрусении толкуют. «В ущелий, – читал он, – духовное лицо говорило проповедь абхазцам^{12}, на лицах которых выражалось умиление». Ха, ха, ха!.. Абхазцы умилились, наконец... Они, должно быть, с умилением посматривали на проповедника, заряжая винтовки.

– Ну-ка, нет ли еще чего? – проговорил Новоселов. Василий Егорыч читал:

– «Прискорбный случай; один из здешних врачей, оказав помощь больному старцу, забыл бедную обстановку и горе несчастной семнадцатилетней дочери больного...»

– Оставьте, черт с ними! – проговорил Новоселов. Лаская щенка, он продолжал: – Недавно я ехал на перекладных с одним офи-

цером; он мне рассказывал такие мерзости из столичной жизни, что я с удовольствием за-сматривался на первую попавшуюся ветлу, даже на лежавшую в яме свинью, которая, в моих глазах, была несравненно чище и опрятнее всех этих столичных шалопаев...

Новоселов встал и начал натягивать сапоги, декламируя:

*Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано!..*^{13}

Впрочем, как не дано? – продолжал он, – совершаем кое-что: грабим бедных, ездим в каретах да еще слышем за передовых людей. А грабежи производим благопристойнейшим образом...

– «Завлечение обманом девицы в публичный дом, – читал Василий Егорыч. – Грустный случай: молодая, образованная девушка приехала в Петербург для приискания себе места учительницы и опубликовала о том в газетах...»

– Бросьте! я знаю, что дальше!

– Что? – спросил молодой человек.

– Ну, вскоре к ней явился «передовой» господин... Василий Егорыч зачитал: «Вскоре к ней явился приличный господин...» Тьфу!

– Да ну их к черту!

Василий Егорыч скомкал газеты и бросил их на пол. Новоселов начал подвязывать перед зеркалом галстук.

– Вот этих бы господ в соху-то! – крикнул из другой комнаты Василий Егорыч.

– Они делом занимаются; просвещают отечество...

– Если бы я имел подобающую власть, выстроил бы где-нибудь в степи избы; завел бы сбрую и непременно запряг бы в соху этих «прогрессистов».

– Да ведь не станут работать, все перековеркают!

– Что значит вольный хлеб-то!

– А главное, даровой!.. – прибавил Андрей Петрович. – Однако сегодня мы хотели ехать к какому-то графу.

– Да, да!

– Уж коляску приготовили, – сказал лакей.

– С какой стати мне-то?

– Пожалуйста, Андрей Петрович: дамы

просили... Нельзя... да мы к нему на одну минуту; сделаем визит, и только... Вы так в своем костюме и поедете, нам с этим графом церемониться нечего: если он порядочный человек, мы готовы с ним завести знакомство, а если дрянь, так повернем назад оглобли. Мне думается, не сознал ли этот господин всю пошлость окружающей его среды, не хочет ли он выйти на путь истинный... он, видите, ударился в естественные науки; признак добрый; не свершился ли с ним перелом? А впрочем, кто его знает? Не мудрено и то, что в петербургской гостинице ему подали счет, в котором значилось невероятное количество шампанского, гатчинских форелей и тому подобное, он вдруг и взялся за естественные науки: ведь теперь в окнах всех модных магазинов торчат книги: «Человек и его место в природе», «Мир до сотворения человека», «Ледники» и пр.

– А вы, однако, Василий Егорыч, распорядитесь насчет лошади и сохи.

– Ах да! с величайшим удовольствием. Эй, Иван! пошли старосту. Я и для себя тоже велю приготовить соху: это вы великую истину от-

крыли: где-то я читал, что гораздо больше умирает людей от обжорства, нежели от голода, и это я приписываю тому, что мы ничего не делаем, не работаем, а только едим, пьем и катаемся... Отчего у какой-нибудь аристократической барышни шея держится чуть не на ниточке и вся она похожа на копченую сельдь? оттого что не работает, а сидит, да сплетничает, да по шести блюд за обедом кушает...

Вошел староста.

– Слушай, Агафон: приготовь, друг любезный, две сохи и две лошади.

– Слушаю.

– Для нас вот с Андреем Петровичем... да оставь недалеко от дому десятин двадцать пару, чтобы мужики не пахали...

– Для вашей милости?

– Для нашей, сударь, милости...

– Стало быть, мужики будут пахать? – Да мы, мы! понимаешь?

Староста от смеху закрыл свой рот ладонью и проговорил:

– Чудны вы, Василий Егорыч!

– Вот тебе чудны! пришло, брат, время: по-

ра и господ запрягать в соху. А лошадей выбери таких, которые бы нас учили пахать... Как нужно покрикивать на них во время пахоты?

Староста снова фыркнул.

– Ну, скажи!..

– Да, стало быть: *вылезь!* Ой, ой, ой!.. Чудные вы, право слово...

– А еще как?

– *Возле, ближе!* хи-хи-хи...

– Ну и отлично.

Лакей доложил, что чай готов.

Молодые люди отправились в дом. На крыльце, в белом платке, с розовым поясом, стояла Варвара Егоровна, окруженная разными животными, которым она раздавала хлеб; рядом с ней стояли две крестьянские бабы, одна из них держала на руках ребенка. Василий Егорыч, поцеловав сестру, прошел в дом; Новоселов остался на крыльце.

– Видите, Андрей Петрович, – заговорила девушка, – собаки на вас не бросаются, как вчера; оттого, что я здесь: они меня боятся...

– Ваш брат мне говорил, что вы любите животных: это вас рекомендует с отличной стороны...

– Я их очень люблю. Вот посмотрите, Андрей Петрович: у этой бабочки ребенок болел: не знаете ли, чем полечить?

– Она из вашего села?

– Из нашего: одна-то – моя кормилица... она и привела эту бабочку...

– Ну, русский гражданин, позволь на тебя взглянуть, – обратился Новоселов к младенцу, которого мать торопливо развертывала. Ребенок, с корою золотухи на голове, с запекшимися устами, тихо стонал. – Вот эти ножки, Варвара Егоровна, посмотрите, – продолжал Новоселов, – обуются в лапотки, будут ходить за сохой, за обозами в крещенский мороз, в октябре месяце при вытаскивании пеньки из реки промокать, опухать, покрываться язвами от простуды и от скорбута вследствие

плохой пищи, и эти подвиги будут совершаться на тот конец, чтобы нам с вами было хорошо.

– Вы помогите ему... – с участием промолвила барышня.

– Чем же я помогу? вы видите, какова мать-то. – Что вы едите, тетушка?

– Лебедку, касатик, – сказала баба.

– Значит, ребенку не жить на свете; а вот придет рабочая пора, крестьянские дети будут умирать, как мухи.

– Ступайте, – сказала барышня бабам, – сегодня я пришлю к вам горничную.

Бабы поклонились и пошли.

– Итак, сегодня вы едете к графу? – сказала Варвара Егоровна Новоселову.

– Вот как! уж вас, кажется, занял граф?

– Нисколько! Я так...

– Послушайте, Варвара Егоровна, вот вам мой искренний совет: не увлекайтесь этой пустой, исполненной безделья и тоски – светскою жизнью: извратятся все ваши добрые инстинкты; да вы и не годитесь для света. Будьте тем, чем создал вас бог; поверьте, счастье к вам будет ближе.

– Да с чего вы взяли, что я занята графом?..

– Я говорю в видах предостережения, из желания вам добра... Впрочем, извините...

– Ну, хорошо, извиняю... пойдёмте пить чай. А не правда ли, какая сегодня славная погода? Вам будет весело ехать...

Дамы, зазвав Василия Егорыча в кабинет, упрашивали его пригласить графа к себе и

выбросить из своей головы предрассудки на счет аристократов: граф нисколько не виноват, что родился в великосветской среде; поэтому бросать камень в невинное существо не следует, а тем более поддерживать сословную вражду – в наш просвещенный век – недостойно порядочного человека.

Наконец, четверня лошадей, запряженная в крытую коляску, сделав несколько туров около барского дома, подъехали к крыльцу. Все семейство вышло провожать молодых людей. Старик Карпов расспрашивал кучера:

– С левой стороны какой же у тебя...

– Косоурый... из Лебедяни...

– Рессору-то подвязал?..

– Варя! Варя! отойди! – кричали дамы девушке, которая гладила рукою лошадь.

– Осторожней, мой друг, – сказал отец.

– Ничего, папочка, он смирный. Петр! – обратилась Варвара Егоровна к кучеру, – ты не шибко поезжай и не смей стегать лошадей; а то я тебя тогда!..

– Ну, до свидания...

– Как я вам завидую, господа... – говорила Карпова, – когда же вы вернетесь оттуда?

– Если нам там будет хорошо – пожалуй, останемся обедать, а к чаю сюда...

– Вася, смотри же... во что бы то ни стало.

– Понять не могу, зачем я-то еду? – высунув голову в окно, говорил Новоселов.

– Ну, сидите уж!.. Пахарь!..

– Петр! Пошел!

– Прощайте!

Четверня тронулась, и коляска понеслась по направлению к церкви, завернула налево под гору и скрылась.

– Боже мой! со мной просто лихорадка! с таким нетерпением я жду развязки, чем все это кончится, – сказала Александра Семеновна.

– Я в восторге! – воскликнула Карпова, – вот когда начнется жизнь-то... А за все это надо благодарить вот кого... – Карпова обняла мужа и начала целовать его в глаза; старик покорно наклонился к жене и проговорил: «Что ж с вами делать? не сделай по-вашему – мне житья тогда не будет...»

Все принялись целовать старика.

– Варя! – сказала Александра Семеновна де-вушке, которая пробиралась в сад, – пой-

дем-ка наверх... я тебе что-то скажу...

– Тетя, милая! – умоляющим голосом воскликнула Варвара Егоровна, – я сейчас приду. Я только немножко покачаюсь...

– Послушай, mon ami: теперь эти качели и своих деревенских подруг надо будет оставить... *C'est impossible, ma chere...*[6]

– Ну вот еще! – сказал старик, – что граф, так и засесть на пище святого Антония!.. Ступай, Варя! качайся... Если он добрый человек, я готов с ним делить хлеб-соль, а если он выскочка, какой-нибудь фронт с Невского проспекта – бог с ним совсем...

Варвара Егоровна завидела в конце сада дворовых девиц и устремилась к ним. Вскоре послышалась гармония и звонкий смех. Старик приказал запрячь для себя лошадь в беговые дрожки, намереваясь проехать в поле. Дамы с зонтиками в руках отправились в сад.

Коляска неслась по полю среди колосившейся ржи, из которой выглядывали голубые васильки, белые колокольчики полевого плюща, похожие на бабочек, летавших по межам; среди однообразного, глухого топота лошадиных копыт иногда слышался крик пере-

пела, и вслед за этим вдруг появился ястреб, повертывая своей головой над самой рожью, как бы отыскивая смелую птицу; но перепел, при виде зловещей тени, мелькнувшей над его головой, смолкал надолго, вероятно пользуясь быстротою своих ног. Мимо коляски проносились полянки зеленеющего овса, льна и белой гречихи, мелкие дубовые кусты, овражки с маленькими псеками, наконец потянулись деревни с гурьбою нищих и неумолкаемым лаем собак; стоя перед угрюмыми, закоптелыми окнами избы, держа в руках посохи, нищие пели, как «солнце и месяц померкали, часты звезды на землю падали и как Михаил свет архангел трубил в семигласную трубу», очевидно, песня грозила готовой развалиться избушке страшным судом; избушка смиренно слушала грозную песню, как бы чувствуя за собой множество недоимок, за которые придется ей тошно на том свете.

Коляска продолжала мчаться по бревенчатым мостикам, мимо шумящей мельницы, прятанной в лозиновых кустах, где жалобно пищали кулики, мимо барских домов с маркизами и балконами, на которых сидели

барыни и кавалеры.

Наконец, во всей своей красе открылся графский дом с огромным садом, из которого высоко поднимались столетние осокори, тополи и сосны. Над домом развевался флаг.

VI РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОГО ВИЗИТА

Часов в десять вечера семейство Карповых сидело в зале. Хозяин, по обыкновению заложив за спину подушку, закрыв глаза, сидел на диване и время от времени сдвигал свою ермолку то на одну сторону, то на другую. Он делал это всякий раз, когда его занимали какие-нибудь новые мысли. В настоящее время он думал о том, какое направление следует дать возникающим отношениям к графу и к чему может повести знакомство с ним?

Его практический ум решил, что «пеший конному – не товарищ»: граф – особа высшего полета, между тем как Карпов перед ним человек маленький, скромный землевладелец, медными пятками составивший себе *некоторое* состояние; хотя совесть подсказывала ему, что его состояние поспорит с любым графским. Как бы то ни было, Карпов не находил ничего общего между собою и графом и решился ни на волос не изменять своей обы-

денной жизни даже в таком случае, если бы его сиятельству вздумалось влюбиться в его дочь: не покупать лишнего вина, исключая лиссабонского, которое постоянно подавалось к столу, не одевать лакея лучше того, как он одет всегда, то есть с потертыми локтями на старом фраке и не совсем белыми нитяными перчатками.

Успокоившись на таком решении, старик открыл глаза и, с ласковой улыбкой посматривая на свою дочь, разглядывавшую с своей тетей «Иллюстрацию»^{14} за большим круглым столом, начал отбивать ногою такт под фортепьянную игру своей жены и припевать: «Рыба-ак, не шуми!» (Хозяйка играла отрывок из «Фенеллы»^{15}.) Вдруг на улице залаяли собаки, и через минуту у самого подъезда раздалось дружное фыркание лошадей.

– Наши приехали! – в один голос вскрикнули дамы.

В залу вошел Василий Егорыч, за ним Новоселов.

– Вот мы и от графа! – возвестил первый.

– Ну что, что?.. – наперерыв спрашивали дамы.

– Погодите, дайте перевести дух...

– Пили ли чай? – спросил старик.

– Пили у Андрея Петровича, – сказал юноша, указывая на Новоселова, – мы к нему заезжали, верст пять крюку сделали.

– А у графа обедали?

– Как же! у его сиятельства и обедали, и завтракали, и шампанское пили.

– Вот как! Значит, он вам был рад?

– Еще бы! – произнес молодой человек, доставая сигару.

– Ну? рассказывай по порядку, – сказали дамы, садясь все на диван против рассказчика, который стоял среди залы.

– Вася! что, красив он? – спросила Александра Семеновна.

– Чрезвычайно! если хотите, до тошноты красив... в вашем вкусе! Ну-с! приезжаем, – начал Василий Егорыч, закурив сигару, – камердинеры в белых жилетах встречают нас у подъезда. Спрашиваем: «Дома граф?» – «Дома». – «Доложите ему: соседи по имению».

Хозяйка обратилась к Новоселову, сидевшему у окна:

– Послушайте, Андрей Петрович, вы яви-

лись в этом самом костюме?

– А то в каком же? – возразил Василий Егорыч.

– А я думала, что вы заедете к себе домой, переоденетесь...

– Ну, ладно! по платью встречают, а по уму провожают... не так ли, Андрей Петрович? – возразил старик.

– Оказалось, папаша, граф вас знает, – продолжал Василий Егорыч, – когда, говорит, он был предводителем, он ездил к моему отцу.

– Я его помню! – подхватил старик, – ему было тогда лет двенадцать...

– Начались, разговоры: надолго ли? как и что? Зашла речь о Петербурге, о заграничной жизни и т. п. Граф был очень разговорчив. Я заметил, что проезд наш был кстати... Граф водил нас по саду, по оранжереям; ну, уж сад!.. просто итальянская вилла! Показывал нам памятник из каррарского мрамора, сооруженный его предками над одной собакой... показывал даже огромного медведя, которого он недавно купил за пятьдесят рублей у медвежатников.

– На что же он ему?

– Должно быть, для сильных ощущений... Словом, граф, как видно, жестоко скучает. О Петербурге вспоминает с отвращением: эти Берги, Деверии и т. п. ему ужасно надоели; рассказывал, как у кассы, в Большом театре, когда в афишах значилось, что будет петь Патти⁽¹⁶⁾, двух любителей задавили до смерти... Черт знает что в самом деле творится!.. Представьте себе: несмотря на все увеселения, в Петербурге свирепствует такая пустота, что однажды (рассказывал граф) во время зимы два знакомые ему витязя ездили, ездили по Петербургу, наконец спрашивают лихача: «Послушай! что возьмешь свезти нас в поле и там заблудиться?»

– Как заблудиться? – спросили дамы.

– Очень просто: как плутают в поле?.. Все захохотали.

– Ну что же лихач?

– Лихач, разумеется, сообразил, в чем дело, говорит: «Заплатите мне двести рублей за лошадь и ступайте куда знаете: мне, говорит, пока жизнь не надоела; у меня жена, дети... А с вами заблудишься, да и замерзнешь...»

– Значит, граф решил навсегда поселить-

ся в имении? – спросил старик.

– Навсегда. «Уж если, говорит, очень скучно будет в деревне, то проедусь за границу или куда-нибудь в Бомбей, но уж никак не в Петербург». Или, например, такие курьезы рассказывал: «Зайдешь, говорит, куда-нибудь в ресторан – только и слышишь: „Дюжину устриц! Sterlet a la minute[7], бутылку шампанского!“ Заглянешь в афиши – там в Большом театре „Золотая рыбка“, в Александрийском „Все мы жаждем любви“, у Берга „Студенты и гризетки“, еще какие-то *греческие богини*. А уж какая скука царит в аристократических гостиных; надобно иметь железное терпение, чтобы выносить ее: разговоров никаких, исключая той же Патти, „La belle Helene“⁽¹⁷⁾ да обычных сплетней...»

– Удивительный в самом деле город! – заметил старик, – сколько денег поглощает... А вишь, чем занимаются? Ищут, где бы заблудиться?..

– Граф показывал нам свои ученые принадлежности, – говорил рассказчик, – микроскоп, минералы, колбы. В кабинете зашла речь, где находится минерал хризоберилл?

Граф сказал, что в Зеландии; Андрей Петрович объявляет, что хризоберилл вместе с изумрудом находятся у нас на Урале. Граф так и вытаращил глаза: ему показалось, что к нему приехал сам академик Кокшаров...⁽¹⁸⁾ Да! тут замечательные вещи были; я вам расскажу, какой ученый разговор вел Андрей Петрович с графом, когда мы гуляли по саду. Граф начал с того, что он погрузился в естественные науки, так как они одни и могут дать положительное знание. На это Андрей Петрович заметил, что, не будь естественных наук, мы бы долго еще летали в эмпириях, упиваясь музыкой собственного красноречия, трактуя об идеальности в реальном и, подобно Рудиным и Лаврецким, ударяя по струнам женских сердец. С этим граф совершенно согласился. Пошли рассуждения об эгоизме, на тему:

*Каждый себя самолюбьем измучил,
Каждому каждый наскучил,*

что все чего-то ждут, словно не нынче-завтра наступит светопреставление... Граф спрашивал: «В чем же секрет?» – «А вот в чем, –

сказал Андрей Петрович, – если мы будем понимать эгоизм так, как понимали до сего времени, то мы не только ничем не будем отличаться от вандалов, но даже просто от акул, которые тем только и занимаются, что пожирают слабейших себя: тогда нечего и думать о прогрессе, о котором мы болтаем с утра до ночи; тогда и самая жизнь-то человеческая делается невозможною». – «Что же делать? Как выйти из этой пропасти?» – спрашивал граф. – «Заняться самоисправлением, – был ему ответ, – отцы наши могли себе благоденствовать, подвергая всякого рода экспериментам своих ближних; теперь эти развлечения мало кого удовлетворяют оттого, что все начали сознательно относиться к окружающему, и нет сомнения, что если общество не исправится, оно задохнется от скуки – этой современной моровой язвы». Я с своей стороны добавил, что, кажется, уже пришел судья милосердый – отделить козлищ от овец, пшеницу от плевел... не все-то нам порхать по цветкам... Граф сильно задумался. Наконец, он спросил: «В чем же должно заключаться самоисправление?» Тогда мы перед ним выдвигали

нули соху.

– Что это? какие глупости! – воскликнули дамы, – неужели вы не могли обойтись без вашей дурацкой сохи?..

– Нельзя, нельзя! mesdames! [8] этот инструмент – краеугольный камень общественного благосостояния... А по-вашему, если человек носит ринсе-пез, так и надо рассуждать с ним об одних сифидах? Вы видите, что сифиды ему надоели! что же остается ему предложить, кроме сохи андреевны!

– Оставь свои глупости! – перебила хозяйка, – скажи лучше, что же он, к нам обещался приехать?..

– На этих днях непременно приедет... Как изволите видеть, милостивая государыня, поручение ваше мы исполнили; за это вы должны благодарить нас, – заключил Василий Егорыч.

– Мерсі, мерсі... [9]

– Андрей Петрович, – обратилась хозяйка к Новоселову, – как вы нашли графа?

– Мне кажется, он человек со всеми достоинствами...

– Короче – bel homme! [10] – подхватил мо-

лодой Карпов;– впрочем, он добрый мальйй... Теперь я поведу речь о том (про графа, кажется, уже довольно), что с завтрашнего же дня я устраиваю во флигеле лабораторию, пора приниматься за дело; потом мы с Андреем Петровичем решили насчет вас, сударыня, – обратился Василий Егорыч к сестре, – мы хотим сделать такого рода предложение: не угодно ли вам брать уроки по какой-нибудь отрасли знания у меня или у Андрея Петровича? Намерены ли вы чем-нибудь заняться, кроме ваших кукол и собачек? Мне кажется, что вам скоро наскучат детские игры...

– Да, я готова, – воскликнула Варвара Егоровна, – кто ж тебе сказал, что я только способна играть в куклы?

– Пожалуйста, не обижайтесь. – Василий Егорыч поцеловал сестру. – Теперь позвольте спросить, какой предмет вы желаете изучать?

– Я, право, не знаю, – сильно покраснев, сказала девушка.

– Хотите, я вам буду читать гигиену – умение сохранять свое здоровье? – предложил Новоселов.

– С удовольствием, – ответила будущая ученица.

– Ах, Basile! чего ты не затеешь? – возразила мать, – скажи, ради бога, к чему эти уроки? Ведь она читала много: например, «Хижину дяди Тома», Островского, Тургенева, мало ли кого?

– Ну, пусть играет в куклы, – сказал молодой человек.

– Мaman, я с удовольствием готова поучиться чему-нибудь...

В это время старик обратился к Новоселову:

– Ничего! Займитесь с нею... как сохранять здоровье, всякому надо знать... А то, признать, мне доктора наскучили... Надо делать так, чтобы обходиться без них; я век целый прожил без всяких лекарств...

– А вы мне, Егор Трофимыч, позвольте у вас брать уроки сельского хозяйства, – сказал Новоселов.

– С большим удовольствием, – ответил старик, – вы как думаете насчет хозяйства? у нас тут свой университет.

Хозяйка поднялась и объявила, что от-

правляется наверх; она пригласила с собой сына, чтобы он рассказал ей кое-что про графа.

– Через полчаса я буду во флигеле, – сказал молодой Карпов Новоселову, – если соскучитесь, приходите.

VII БЕСЕДА В КАБИНЕТЕ

Дамы с Василием Егоровичем отправились наверх; старик повел Новоселова в свой кабинет, приказав слуге зажечь лампу.

В кабинете на стенах висели фамильные портреты, связки ключей от кладовых, барометр, сабли с португезями и целый ряд старых картузов, которые когда-то носил Карпов; на столе лежали конторские книги; очки, мешочки с образцами овса и гречихи, молитвенники. В переднем углу, украшенные вербами, помещались образа в золотых киотах, внутри которых хранились бархатные шапочки от святых мест, венчальные свечи и аномалии хлебных злаков: двойные, тройные и даже семерные колосья ржи и пшеницы.

– Прошу покорно, – сказал старик, указывая гостю на диван и сам располагаясь в креслах.

Новоселов закурил сигару и начал:

– Мне, Егор Трофимыч, хочется поближе познакомиться с положением сельского ба-

трака. Сколько вы платите своим рабочим в год?

– Цена разная, – сказал старик, искоса поглядывая на собеседника, – впрочем, никак не более тридцати пяти рублей в год... харчи мои...

– А одежда?

– Уж это их дело! как они хотят... Наступило молчание...

– Да заметьте, – продолжал старик, – из этих тридцати пяти рублей крестьянин должен заплатить подушные, пастушные, пожарные, мостовые; сверх того одеть, обуть себя, прокормить детей...

– Так, – задумчиво проговорил Новоселов.

– Что ж делать? Такая цена везде: оттого-то все мужики и разорены. Придет время платить подати, мужик начнет метаться как угорелый; нанимается на заработки – за какую угодно плату; уж тут его бери руками. Ошалет совсем: ты ему даешь пять рублей за обработку десятины, а он просит четыре с полтиной... Что говорить, – сказал старик, вздохнув, – положение безвыходное... Вот вам и воля, которой вы добивались, господа прогрес-

систы.

– А нет ли между вашими мужиками такого господина, который вовсе не имеет земли, следовательно, не знает ни подушных ни пастушных?

– Есть такой мужик: его зовут Андрешкой. Он отказался от надела, выпросил у мира местечко для избы и живет один с женою. Поутру придет к моему старосте и спрашивает работы. Ему нет дела, кормлена ли лошадь, которую ему дают; сломалась соха, давай другую. Таких бобылей стало появляться немало, особенно в последнее время. Да, по-моему, Андрешка – философ. Вы что же, Андрей Петрович, хотите завести работников?

– Сохрани меня бог, – сказал Новоселов, – ведь по вашим словам, я им должен платить по тридцати пяти рублей в год?

– Разумеется. Иначе какая же вам будет выгода? Так что же вы намерены делать? – спросил Карпов, пристально глядя на гостя.

– Удалиться от зла и сотворить благо; другими словами, продать землю.

– Как?..

– Непременно...

– Послушайте, Андрей Петрович, я, право, никак не могу верить тому, что вы говорите. Извините за нескромный вопрос: чем же вы будете жить? Деньги, которые вы получите за ваше имение, конечно, пролетят, служить вы не хотите, на что же вы рассчитываете?

– Дело вот в чем, добрейший Егор Трофимыч: признаться сказать, надоели мне эти родовые наши именьяца, с которых мы получаем доход, не помышляя о том, какими путями он достигает нашего кармана... а главное – пользы-то нам от него мало... хочется мне хлебнуть горькой чаши, которую пьет наш народ.

– Значит, хотите быть мужиком?

– Где мне об этом мечтать – изнеженному баричу, просто потешить себя хочется: опротивел мне наш пресловутый, незаслуженный комфорт; попробую надеть мужицкий армяк...

Старик засмеялся и вдруг воскликнул:

– Да вы, я вижу, шутите мужицким армяком-то? Знаете ли, на что вы решаетесь?

– Знаю...

– Нет, не знаете... Вы, батюшка, с позволе-

ния сказать, мелко плаваете! Хотите, я вам расскажу, что такое мужицкая жизнь?

– Сделайте одолжение. Я вас предупредил, что мне хочется поближе познакомиться с положением нашего крестьянина.

– Эй, человек! подай нам вина! – крикнул старик. Слуга подал лиссабонское. Собеседники выпили по бокалу (у Карпова и к простой водке подавались бокалы).

– Слушайте, почтеннейший Андрей Петрович; я буду краток, но выразителен, – так начал старик, наполнив снова бокалы. – Представьте себе мужицкую избу, – старик низко развел руками, желая представить убогую хижину, – вонь... мерзость... тараканы... – Старик отплюнулся. – Н-нет, вы не знаете мужицкой жизни; я вам ее обрисую...

– Обрисуйте, пожалуйста.

– Выпьем! – сказал старик. – Я, батюшка, около сорока лет трусь около этого народа: я его изучил не по книжкам, как вы!.. Про летнюю пору я вам не буду говорить: вы ее более или менее знаете; а я начну с зимы, когда вы в своем Петербурге слушаете Патти, а у нас в трубе своя Патти запеваает.

– Вы расскажите, что я буду делать зимою, живя в крестьянской избе.

– Я к тому-то и веду. Прежде всего надо встать с петухов, часа в три утра, чтобы задать всей скотине корму... слышите? а корм надо с вечера изготовить в вязаночках; потому в три часа утра некогда его искать на гумнах; темно, да еще, пожалуй, на волка наткнешься, у нас же волков пропасть, примите к сведению (они ходят по дворам– ловят собак)... На рассвете опять принимайся за корм; тут надо идти в одонья и отрывать его из-под снега. Потом разносить этот корм по двору, по закутам; а заметьте, дверей везде пропасть; иную отворишь – она из пятки вывернулась, – надо чинить, а то выскочит скотина. Далее, придете в избу – отдохнете да поговорите с бабами о том, когда начать морозить тараканов!.. Вот вопрос! А не забудьте, на дворе опять ревет скотина, просит опять есть!..

– Да ведь сейчас дали...

– Что ж такое, что дали? ведь корм-то непитательный – солома; скотина оберет колосок, да и опять кричит.

– Ну, а в продолжение дня!

– В продолжение дня? Извольте послушать, какая музыка пойдет: надо избу отчистить от снегу, потому в окнах темь; на дворе вырубить лед из корыта, обить бочку и ехать за водой. Потом бочка завязла, сидит в сугробе; глядь, и завертка лопнула. Одним словом, вавилоняне, что ль, строили памятник, когда было смешение языков?.. вот то же самое столпотворение идет и в мужицком быту... Я очень хорошо знаю, что вы фантазируете: вам мужиком не быть, это я наперед скажу; тем не менее я подробно описываю вам мужицкую жизнь, чтобы вы не относились к ней легкомысленно... Да! мужик наш – это, я не знаю, какая-то скала! где нам! – Старик махнул рукой.

– Но вы обещались рассказывать, так продолжайте, – сказал Новоселов.

– Что же рассказывать? Что рассказывать про ад крошечный!.. – с грустью проговорил старик.

– Вы мне, Егор Трофимыч, обещались читать лекции по сельскому хозяйству: вот что вы теперь передаете, это-то я и желал слышать от вас.

– А весна!.. – продолжал старик, покачав головой, – все больны, скотина без корму... хлеба нет... Или вот, самое простое обстоятельство, например сошник наварить. Мужик приходит к кузнецу; оказывается, что кузнец завален работой; значит, прошатался задаром. В другой раз идет; кузнец говорит: «Еще не брался за твою работу». Ну, наконец, справлен сошник. Мужик выехал пахать, прошел несколько борозд – хлоп! палица пополам; надо ехать в город; а тут навстречу верховой с известием: мировой судья требует в свидетели. Мужик едет за двадцать верст к мировому, а там объявляют, что дело отложено до пятницы; ступай назад! Да что тут рассказывать! Ясно как день, что вы забрали в голову пустяки, Андрей Петрович... Извините за откровенность.

Новоселов молчал. Старик посмотрел на него и сказал:

– А вам, знаете, что нужно?

– Что?

– Жениться да обзавестись семейкой... вот чего вам недостает.

– Где нам мечтать о таком счастье...

– Отчего же? – с участием спросил старик.

– Ведь надо, я думаю, понравиться какой-нибудь барышне, а это вещь невозможная. Нашим барышням нравятся каменные дома да люди, получающие хорошие оклады жалованья; а у меня нет ни того, ни другого. Притом какая же дура пойдет за человека, у которого идеал – соха и армяк? Вот если бы я проповедовал *теплую лежанку*, охотниц нашлось бы много.

– Так, стало быть, все-таки решились пахать.

– Непременно!

– Ну, батюшка, вы неизлечимы.

– Пожалуй, что и так. Прибавьте к этому, *дескать*, всякий по-своему с ума сходит. Покойной ночи.

– До свиданья.

VIII ПРИЕЗД ГРАФА

Через несколько дней слуга Карповых объявил барину, сидевшему за письменным столом в кабинете: «Граф едет!» С тем же известием он бросился в девичью, и вскоре во всем доме, среди суматохи и беготни, на разные голоса раздавалось: «Граф едет! едет! Оля! Груша!..» «Подайте мне сюртук!» – кричал барин, снимая с себя камзол.

Все, что было в доме, припало к окнам и, затаив дыхание, стало высматривать, как к крыльцу подъезжала четверня вороных, запряженная в щегольскую коляску; на козлах красовался кучер в форменном кафтане и старый камердинер в ливрее и шляпе с позументами. С невыразимым наслаждением, любуясь на это зрелище, хозяйка говорила своей горничной: «Грушка! да смотри, смотри...»

– Вижу, сударыня! просто на редкость!.. Наверху Александра Семеновна в каком-то упоении

говорила, отходя от окна:

– Оля! мне душно! подай капли!..

– Черт бы всех побрал, – кричал барин, с трудом всовывая руку в сюртук, – изволь исполнять бабьи прихоти...

– Оля! маши на меня веером, – опустившись на кушетку, говорила Александра Семеновна.

Одетый по последней моде, в шармеровском фраке⁽¹⁹⁾, в черных узеньких панталонах с лампасами, в белых перчатках, с пробором на затылке, граф явился в залу.

Лакей доложил, что господа скоро выйдут. Граф начал поправлять перед зеркалом свою прическу.

Вошел, в светлом клетчатом жилете и в длиннополом сюртуке, хозяин. Граф быстро сбросил с глаз ринсе-пез и отрекомендовался.

– Прошу садиться, – сказал старик, утирая на лице пот.

Зашуршали платья, и в зале явились дамы.

– Это моя жена... моя свояченица, – сказал старик. Граф, ловко придерживая шляпу, сделал реверанс с

глубоким поклоном, причем его ринсе-пез заблестел и закачался, как маятник.

Все уселись. Со стороны дам последовали один за другим вопросы, на которые граф не знал, как отвечать. Мало-помалу беседа приняла плавное течение. Старик распространился о покойном отце графа; спросил о его матери, которой досталась седьмая часть от мужнина имения, и получил известие, что она постоянно живет за границей.

– Так вы теперь сами приглядываете за хозяйством? – сказал, наконец, старик.

– Да... нельзя, знаете... правда, управляющий у меня – честный малый... но свой глаз все-таки необходим... – Граф очаровательно улыбнулся.

– О, без сомнения! – подхватили дамы.

– А много у вас нынешний год в посеве? – спросил старик.

– Десятин около трех тысяч, если не больше...

– Слава богу!..

– Скажите, граф, – спросила хозяйка, – ведь вы бывали за границей?

– Едва ли не всю Европу объездил, – почти-тельно наклонившись, произнес граф.

– Разумеется, были в Италии?

– Чудная страна! какой климат! да притом Италия, – как вам известно, страна искусства...

– А Флоренция-я воображаю, что это такое!..

– Это скорее – женственный город... знаете ли, мягкость какая-то во всем... в природе и в людях... Там этого нет, как у нас в Петербурге: всякий косится друг на друга... там все это поет... плащ через плечо... шляпа набекрень... Да вообще город замечательный сам по себе: например, Lung Arno... il giardino di Boboli... palazzo Pitti... chef-d'oeuvre![11]

– А в Андалузии вам не случилось быть? – в свою очередь спросила Александра Семенова.

– В Андалузии я был проездом, с матерью; она любит Испанию... там такая природа, что, право, чувствуешь себя несчастным при мысли, что родился на бесприютном, мрачном севере...

– Ах! именно бесприютный... мрачный север...

– И не скучали за границей? – спросил хозяин.

– Уже впоследствии... действительно начал скучать...

– По России?

– Мм-да... если хотите...

– Само собою разумеется, – подхватила Карпова, – вы родились в России... очень естественно... да ведь все, живущие за границей, жалуются на тоску по родине... А кажется, чего бы тосковать?

Граф вздохнул, промолвив:

– Что делать! видно, уж человек так создан. Наступило молчание. Все как будто хотели перевести

дух после обильной умственной пищи, которую угостили себя.

– Ваши молодые люди дома? – обратился граф к хозяйке.

– Они во флигеле... я за ними пошлю. Иван! – Вошел слуга. – Сходи во флигель и скажи господам, чтобы они пожаловали сюда.

– Молодой барин у себя-с, – доложил лакей, – а Андрея Петровича, кажись, нету...

– Где же он?

– Они давеча собирались пахать... Все наострили уши и засмеялись.

– Ступай узнай! (Лакей вышел.) Ведь Андрей Петрович, наш знакомый, чудак страшный, – поспешила объяснить Карпова, – явилась у него фантазия labourer la terre... vous comprenez, monsieur le prince... mais certainement c'est une idee fixe...[12]

– Ваш сын и ваш знакомый говорили мне об этом, – улыбаясь, сказал граф. – Конечно, я не спорю, в этой мысли есть много хорошего... гуманного даже, и вообще современно-го... но с другой стороны, как хотите... – Граф пожал плечами, – ведь это такой труд... такой подвиг, для которого, мне кажется, надо родиться героем...

– Просто утопия!.. – подхватила хозяйка, – люди молодые... жаждут деятельности... а развернуться не над чем... ну и составили теорию такую...

– Впрочем, что ж? я готов! – воскликнул граф, – что ж? пахать землю в гигиеническом отношении – полезно... Я совершенно согласен, что нам работа нужна... у нас движения мало... Но предлагать для этой цели соху!!! Дело в том, что у нас, к несчастью, есть общественное мнение – деспот, пред которым вся-

кий более или менее преклоняется... Дело другое, если бы мы жили где-нибудь на необитаемом острове...

– Они оба дома! – возвестил слуга, – чем-то занимаются...

– Так я к ним пойду. Надеюсь, это недалеко отсюда? – спросил граф.

– Вам хочется к ним? – спросила хозяйка, поднимаясь. – Иван! проводи их сиятельство. Граф! завтракать с нами... надеюсь, вы не откажете нам в этом удовольствии...

– Avec plaisir... au revoir...[13] – Граф удался.

– Ах, какая прелесть!.. – нараспев возопили дамы, всплеснув руками, – как мил!.. charmant!.. il est beau![14]

– Оля! подай мне веер... Какой bel homme!.. Восхищаясь дорогим гостем, дамы разошлись по своим комнатам. Старик отправился по хозяйству.

IX ЛЕКЦИЯ

В сопровождении слуги Карповых и своего камердинера граф шел через сад во флигель. Садовник с лопаткою в руке и бабы, половшие клубнику, отвесили ему низкий поклон. Лакей, забежав вперед, отворил калитку. Граф увидел длинное здание с двумя подъездами.

– Так они здесь живут, – сказал он.

– Так точно! – подтвердил Иван, – а это вон ихние сохи... – прибавил он, указывая к воротам.

– Как?! – воскликнул граф.

– Действительно-с! осмелюсь доложить, они дня с четыре пашут... Сначала по зорям... так как днем жарко – а вчера в самый жар пахали...

Граф смотрел на сохи с тем выражением, которое обличало более чем ужас.

– Да-с, – продолжал лакей, заметив действие своих слов, – они шибко занялись... потому соха не свой брат! она все руки отвер-

тит... Особливо кто без привычки...

– Им никто не помогает? – спросил граф.

– Насчет пахоты-с? Никто!.. они как есть без всякой прислуги... молодой барин две Лалицы сломали, а Андрей Петрович подсекли было ноги лошади... Бог даст, привыкнут, – заключил слуга.

Через минуту он ввел графа в большую светлую комнату, среди которой стоял Василий Егорыч, одетый в блузу, держа в руках пробирный цилиндр и стеклянную палочку.

– Ба, ба!.. – воскликнул химик, – я было только хотел идти в дом. Здравствуйте, граф.

– Чем это вы занимаетесь?

– Делаю анализ почвы.

Граф при помощи рinсе-нез пристально взглянул на цилиндр.

– Это я осадил магнезию, – объяснил Василий Егорыч, – видите, какой получился осадок?

– Это магнезия?

– Она.

– А сероводорода сюда не нужно? – спросил граф.

– На что же? Он испортит все дело.

– Значит, почва хорошая?

– Ну нет! – возразил химик, становя цилиндр за окно, – во-первых, хлористый барий никакой мути не производит... лапис осадка не делает... соляная кислота шипенья не производит... Словом, почву надо удобрять известью, серной кислотой и поваренной солью... вот какова земелька-то! да и фосфорных солей очень мало... Ну-с, рассказывайте, как вы поживаете? медведь жив?

– Ничего... на днях скинул было с себя ошейник... поправили... Где же Андрей Петрович?

– Он в соседней комнате. Пойдемте к нему.

Василий Егорыч отворил двери и ввел графа в другую комнату, в которой за столом сидели Новоселов и Варвара Егоровна.

– Честь имею рекомендовать – моя сестра, – сказал Василий Егорыч. Девушка встала и сделала книксен.

– Я, кажется, вам помешал, – начал граф, смотря на тетрадку с карандашом, лежавшую перед барышней.

– О! нисколько! – объявил Новоселов. – Не угодно ли присесть?

– Андрей Петрович читает моей сестре гигиену...

– Да у вас сильно процветает наука! – объявил граф, держась за спинку стула и приготавливаясь садиться, – если позволите, и я послушаю...

– Вы сделаете нам большую честь... но мы уже на половине дороги, – сказал Новоселов.

Граф сел, сказав девушке, которая слегка отодвинула свой стул: «Mille pardon, mademoiselle»[15].

– А вы не слыхали новость, граф, – сказал Карпов, – Андрей Петрович продает свою землю и удаляется в пустыню...

– Как? куда же это вы?

– Кое-куда... впрочем, это еще не скоро.

– Как жаль! вы останьтесь с нами, Андрей Петрович...

– Об этом мы поговорим; позвольте мне кончить лекцию. – Василий Егорыч также сел послушать. Новоселов объявил: – Предупреждаю вас, граф, что наша беседа ничего нового не представит для вас, все это вы тысячу раз слыхали...

– Ах, напротив... я уверен... я так мало

знаю...

– Вот в чем дело, – обратился учитель к своей ученице:

«В природе, как я упомянул, разлита творческая сила; возьмите растение, кристалл какой-нибудь, мускул – все это созидалось вследствие творческой силы; из зерна является растение с листьями и цветами, наши пищеварительные органы из ржаной муки умеют сделать кровь.

Люди богатые едят кровавые ростбифы, другими словами, готовую кровь вливают в свою собственную, так что желудку не над чем и призадумываться; зато привыкший к ростбифам желудок станет в тупик перед ржаным хлебом, а какая-нибудь редька повлечет за собою смерть.

Так как человек существо всеядное, то и богатые люди прибегают к спарже, трюфелям, салату, фруктам. Но у них, как наука доказала, более половины пищи остается неусвоенною организмом, потому что богатые люди по большей части ничего не делают...

Таким образом, если хотите иметь исправ-

ный желудок, во-первых, не балуйте его изысканной пищей, а во-вторых, непременно работайте.

В этом направлении и идите: не хотите простудиться – привыкайте к холоду; ибо в настоящее время стало известно, что радикальным средством против жаб и катаров служит холодная вода, точно так же, как от объедения – диета и труд.

Вообще природа все нужное дает тем, которые прибегают к ее помощи, и преследует нарушителей своих законов. Зверей она одела в шерсть, лошади дала копыто, между тем тунядца прежде времени лишила волос, наделила подагрой и так далее. Я вам, кажется, упоминал, что в природе существует правда; во имя этой правды неумолимая природа жестоко наказывает всех, считающих ее не за мать свою, а за врага, от которого надо скрываться; в силу этой правды человечество, хотя и медленно, идет вперед.

Наши цивилизованные люди все меры употребляют для того, чтобы удалиться, или, вернее, скрыться от природы. Зато посмотрите, как эта псевдоцивилизация изнеживает,

расслабляет и извращает людей, делает их трусами, жалкими отребьями...

После сказанного вам нетрудно убедиться, что надобно любить природу; а она на каждом шагу учит нас умеренности, труду, самоусовершенствованию, наконец, тому, что жизнь не есть праздник, а высокий и тяжкий подвиг.

До сего времени мы не знали цены ничему, а как скоро история вытащила нас в колею общечеловеческой культуры, мы и забегали, как клопы (насекомое паразитное), ошпаренные кипятком.

Задача цивилизации состоит не в том, чтобы жить на чужой счет, подставлять друг другу ногу (чего не делают даже самые низшие сравнительно с нами животные, и притом гораздо более способные к общественной жизни, нежели мы, например, пчелы, муравьи и пр.); а в том, чтобы блага природы распределить между возможно большим числом людей, чтобы путем науки выяснить тунейдцу, что от жирного куска, который он схватил у ближних, испортится желудок, его постигнут разные болезни, а лень и праздность доведут

до смертной тоски.

*Верь, ни единый пес не взвыл
Тоскливее лентяя, – {20}*

говорит один поэт. Словом, кусок, отнятый у ближнего, тунеядец схватит себе на погибель. Вы слышали крестьянскую пословицу, что чужое добро впрок нейдет; эта пословица справедлива более, чем думают. Тот же поэт в одном месте говорит:

*Роскошны вы, хлеба заповедные
Родимых нив,
Цветут, растут колосья нали-
вные,
А я чуть жив!
Ах, странно так я создан небеса-
ми,
Таков мой рок,
Что хлеб полей, возделанных ра-
бами,
Нейдет мне впрок! {21}*

Тунеядцам пища служит отравой; вся жизнь их не что иное, как патологический процесс; их фешенебельные квартиры – больницы, где в сильном ходу геморрой, желудочные катары, изнурения, расслабления,

„укрепляющие эликсиры, питательные шоколады“, сверх всего этого хандра и непомерная скука... Никто из этих господ не может сказать, что его не грызет какой-то червяк, который —

*В сердце унять не хочет никак;
Или он старую рану тревожит,
Или он новую гложет».*

– Какую глубокую правду вы говорите, Андрей Петрович! – воскликнул граф, – позвольте пожать вам руку! Я не знаю, каким светом!.. – Граф не договорил и взялся за голову, как будто хотел оттуда вытряхнуть что-то... – Представьте себе, – продолжал он, – у меня есть один знакомый в Петербурге, богач страшный. Само собою разумеется, каких-каких благ он не испробовал в своей жизни: он прежде времени облысел и согнулся, так что не может сидеть прямо, а поднявши ноги вверх... этот человек обыкновенных блюд уже не может есть: сидя спиной к своему повару, он приказывает ему изготовить, например, дупеля, но так, чтобы эта птица ни под каким видом не походила на самое себя: «По-

ложи, говорит, в него мозгов, трюфелей»... вообще черт знает чего... Что ж бы вы думали? на этих днях получаю известие, что этот господин хотел застрелиться...

Новоселов продолжал: «Несмотря на роскошь, которой окружены эти несчастные, они покоя себе не видят: то устремятся за границу, то опять на родину, и так далее. Жизнь для них не имеет ни малейшего смысла. Вот к чему можно прийти в наше время. Привожу слова другого поэта:

*Под бременем бесплодных лет
Изныл мой дух, увяла радость,
И весь я стал ни то ни се.
И жизнь подчас такая гадость,
Что не глядел бы на нее!»*

– Итак, – обратился Новоселов к Варваре Егоровне, – теперь мы с вами узнали, отчего происходит вся эта кутерьма. В подтверждение сказанного приведу слова евангелия.

Учитель взял лежавшую на столе книжку с золотым распятием на переплете и с расстановкой прочитал следующее: «Блюдите и хранитесь от лихоимства: якоже не от избытка кому живот его есть от имени его: душа

больши есть пици и тело одежды. Продадите имения ваша и дадите милостыню. Сотворите себе влагалища не ветшающа, сокровище неоскудеемо (то есть займитесь самоисправлением, – добавил учитель): да будут чресла ваши препоясана и светильницы горящий (разумеется нравственный мир человека). Блажены раби тии, их же пришед господь обрящет бдящих. Аще же речет раб в сердце своем: коснит господин мой прийти, и *начнет бита рабы и рабыни, ясти же и пити упиватися*. Приидет господин раба того в день, в онь же не чаает, и в час, в онь же не весть (припомните судию милосердного, о котором говорил Василий Егорыч). *Той же раб биен будет много*». Запишите эти тексты в свою тетрадку, – сказал Новоселов девушке, – еще соедините слова апостола: «Не трудивыйся – да не яст». На том мы пока и остановимся. Слушатели сидели в раздумье. Граф раза два вздохнул, устремив взор в угол аудитории и играя брелочками на своих часах. Василий Егорыч обратился к сестре с такими словами:

– Ну, что же ты, убедилась в необходимости труда?

– Еще бы! – промолвила девушка.

– Это главное! Я рад, что из тебя не выйдет сахарная барышня... Тебя, может быть, занимает вопрос: кто эти дармоеды, о которых говорилось в лекции?

– Дармоеды – это мы все!.. Положим, *наши предки Рим спасли*; да мы что сделали такое?.. Не правда ли, граф?

– О! без сомнения!.. – тоном передового человека сказал граф.

– Вот мы когда заговорили о деле-то! – объявил Василий Егорыч. Все встали из-за стола. – Что называется, до самого корня...

– В настоящее время, – подтвердил граф, – когда, так сказать, все в каком-то напряжении... чего-то ждут...

– И мечутся от скуки, – добавил Карпов. Граф засмеялся. Новоселов обратился к Василию Егорычу:

– Как бы мне найти покупателя на свою землю?

– Найдутся, не беспокойтесь! Я сегодня скажу отцу, не купит ли он?

– Андрей Петрович хочет последовать словам евангелия: «Продадите имения ваша», –

заметил граф.

– «И дадите милостыню», – прибавил Новоселов.

– Что же, вы хотите буквально исполнить эти слова? – спросил граф.

– Я хочу одну половину имения продать, а другую отдать мужикам.

Граф окинул с ног до головы проповедника и взглянул на его учеников, как бы приглашая их разъяснить слова своего учителя.

Василий Егорыч, скрестив руки, начал:

– Да что ж, граф?.. помочь крестьянам следует! Мы едим устриц, а мужики – лебеду. Мы от праздности едва не на стену лезем, а у мужиков рубаха от поту не просыхает...

– Да я – не спорю... я нимало на это не возражаю... напротив, я убежден, что этим только путем и следует идти в настоящее время, – возразил граф.

– Когда на то пошло, давайте, господа, все последуем евангельскому учению: я скажу отцу, чтобы он отдал в мое распоряжение мою наследственную часть; вы, граф, конечно, также заявите ваше сочувствие крестьянам. Ведь ваша мать не может запретить вам рас-

полагать своим имуществом, как вы вздумаете...

– Само собою разумеется, – сказал граф.

– Значит, остается сказать: «Да здравствует разум!» – воскликнул юноша, – вот она, наконец, Америка-то! а мы искали выхода! вот где наше спасение... пусть там прогрессисты ломают головы над экономическими и разными современными вопросами, воображая, что мужиков можно просвещать тогда, когда у них желудок набит мякиной. Нет! сперва надо дать человеку перевести дух, а там и книжку подкладывать. Знаете ли что, господа? Если наше решение состоится (я в этом и не сомневаюсь), откроем школы для народа и сами возьмемся его учить, только не латинскому языку, как того желают просвещенные друзья народа, а естествознанию. Земли у нас бездна, и земля давно выпахалась, скотоводства нет, удобрять почву нечем; шестьдесят миллионов людей задыхаются в курных избах, питаются мусором и не имея никакого понятия о сохранении здоровья. А мы, образованный класс, бесимся от скуки, прикидываемся благожелателями родины, рассуждаем по-поту-

гински^{22}, что Россия гвоздя не выдумала, и сидим сложа руки где-нибудь за границей. Между тем с русских земель получаем денежки, этим мы ничуть не брезгаем!.. Еще за хлеб за соль ругаем русский народ неисправимым холопом! Какие мы сыны отечества?!. что мы для него сделали хоть бы за то, что оно вспоило, вскормило нас? Мы выучились, а la Онегин, Печорин, Рудин – прикрывать мировыми вопросами и возгласами о гражданской деятельности свои любовные интрижки, какими-то исполинскими замыслами объяснять свое тунеядство... Итак, господа, выступим на честный путь... Если не имели совести отцы наши, из этого не следует, чтоб и в нас ее не было... Поделемся с несчастным народом, чем можем... Не все-то нам ездить на его спине!..

Слуга возвестил, что завтрак готов. Он предложил графу зонтик, сказав, что заходит туча.

В комнате становилось темней и темней; в отворенные окна повеяло прохладой. Зашумел ветер. Молодые люди вышли из флигеля.

Х НЕОЖИДАННЫЙ СЛУЧАЙ

По дороге неслась столбами пыль; ветер кружил солому, пух и нес к реке холсты, за которыми бежали бабы. По темному небосклону змейками скользили молнии. Слышались глухие, замирающие раскаты грома.

В саду шумели и волновались кусты сирени, бузины, яблони, с которых падали плоды. По направлению к пасеке, стоявшей на краю сада, летели с полей пчелы; к калитке с люльками за плечами бежали поденщицы, прикрываясь кафтанами. Садовник закрывал парники соломенными щитами.

Близ барского дома с хлебного амбара, под который вперегонку спешили куры, сорвало несколько притуг и отворотило угол повети. По застрехам слетались воробьи и недавно кружившиеся под небосклоном ласточки.

Удары грома слышались один за другим. Наконец, закапал крупный дождь, и вскоре хлынул страшный ливень. В воздухе, кроме сплошной водяной массы, сопровождавшей-

ся необыкновенным шумом, ничего не было видно.

Вдруг молния, сделав несколько ослепительных зигзагов, быстро упала вниз, и вслед за тем раздался оглушительный удар грома; застонала земля, и дрогнули здания.

Сидевшие в отворенном сарае кучера сняли шапки и набожно перекрестились...

– Не обойдется без греха, – заметил один из них. Вслед за ударом хлынул проливной дождь.

– У нас случай был, – рассказывал один из кучеров, – шел по дороге мужичок с косой; а тучка небольшая зашла над самой его головой. Вдруг грянул гром, и мужик потихоньку, потихоньку, словно нагибался... и упал... Мы все это видели...

Когда на небе сквозь легкие облачка выглянуло солнце, горничная прибежала в конюшню и объявила графскому кучеру, чтобы он закладывал лошадей. Опуская в карман трубку, кучер сказал:

– Будь хоть светопреставление – ни на что не посмотрит: что бы часочек погодить? Теперь коляску испачкаем на отделку.

– Видно, обедать не останется, – сказал дру-
гой.

– Господа упрашивали его, отказался... го-
ворит, дома есть дела... – объяснила горнич-
ная и ушла в дом.

– Какие дела? – возразил графский кучер, –
никаких там делов нету; одна забава – мед-
ведь...

Лошади были поданы. На крыльце проис-
ходило прощание Карповых с графом.

– Не забывайте нас, граф, – говорили да-
мы, – приезжайте на Ильин день; отправимся
в лес...

– Непременно, если не задержит что-ни-
будь. А вы, господа, – обратился граф к моло-
дым людям, – приезжайте без всяких церемо-
ний...

– Как жаль, граф, что вы не остались обе-
дать...

– И дорога грязна, – сказал старик...

– Дорога почти высохла... дождь шел
недолго... Коляска плавно покатилась от бар-
ского дома.

Небо было чисто, лишь кое-где неподвиж-
но стояли белые облака. Под лучами ярко све-

тившего солнца все вдруг ожило и встрепелось; трава, которую с наслаждением щипали животные, листья деревьев – покрылись яркою зеленью. В воздухе запели птицы; послышалось жужжанье пчел, стремившихся в поле.

На селе, при громком пении петухов, среди выгона, бабы расстилали холсты. За околицей, в мокром кафтане, босиком, мужик вел за повод клячу, запряженную в соху, на которой звенела палица, болтаясь между сошниками. Завидев коляску, мужик издали снял шапку и свернул лошадь в сторону; граф кивнул пахарю головой.

В поле наперерыв весело распевали жаворонки. Мимо коляски потянулись хлеба; в некоторых местах колосья ржи спутались и поникли от бури. В воздухе пахло медовым запахом гречихи.

Душевное расположение графа не совсем гармонировало с окружающей природой; его отъезд из дома Карповых, как читатель видит, был поспешен – и причиною этого было то обстоятельство, что во время завтрака молодой Карпов с энтузиазмом заговорил о по-

жертвовании земли крестьянам. Таким поворотом дела граф не очень был доволен. Впрочем, к удовольствию графа, речь молодого Карпова была замята стариком, нашедшим энергическую поддержку в лице дам. Отъехав на несколько верст от дома Карповых, граф принялся рассуждать:

– Удовлетворит ли меня эта философия: «Продаждь имение и раздай нищим?» Успокоит ли она неугомный пыл моих сомнений, мучительную жажду чего-то осмысленного, верного, ясного? Неужели последние слова науки совпадают с учением евангелия? Камердинер доложил:

– Ваше сиятельство! а громовой удар не прошел даром.

Камердинер указал на дым вдалеке. Граф привстал и посмотрел вперед.

– Кажется, недалеко от Погорелова, – сказал он.

– Да это оно и горит! – с уверенностью воскликнул граф.

– Чего доброго? вон изволите видеть ветряную мельницу? она как раз стоит против сельского старосты... и пожар-то с того конца

идет...

– Так и есть, – подтвердил кучер, – смотри, как лижет... все разгорается...

– Пошел! – крикнул граф.

И четверня полетела вскок. В деревнях, среди улиц, группами стоял народ. Мужики садились верхами на лошадей.

В последней деревне, под названием «Сорочьи гнезда», подле барского дома суетился господин в соломенной шляпе и громко кричал: «Живей! живей запрягайся!»

– Mesdames! – обратился господин к дамам, стоявшим на балконе, и кивнул головой на графский экипаж, – monsieur le prince... monsieur le prince...[16] – Дамы навели на графа бинокли.

– Проворней, – кричал господин в шляпе на пожарную команду, выдвигавшую из сарая бочки.

– Веди бурого! Стой! – шумели кучера, – хомут надели наизнанку!

– Mesdames! Семен Игнатьич! едемте!

Вскоре загремели гайки, заскрипели немазаные колеса, – и пожарная команда вместе с господами устремилась на пожар.

С горы открылось Погорелово, объятые ярким пламенем; в дыму виднелись черные шапки пепла... слышался глухой, нескончаемый шум народа, треск огня и разрушавшихся зданий... надо всем этим звучал благовест в набат.

Коляска приехала на пожар. Над некоторыми избами в дыму виднелись люди с граблями, попонами, веретями, которыми прикрывались соломенные крыши. Близ самых изб толпились массы народа; крюками тащили бревна, ломали стропила, провозили бочки с водой; вырывавшееся из окон пламя нещадно обхватывало зеленые деревья, стоявшие у домов; в народе раздавался отчаянный крик:

– Скорей, воды! воды!..

Толпа мужиков схватила за узду лошадь, запряженную в водовозку, и тащила ее в разные стороны.

– Твоя сгорела! Не спасешь! моя занялась...

– Поворачивай! дорогу заняли! В другом месте кричали:

– Не ломай!

– Отойди! убьет!

– Цепляй за слегу!..

Из сеней, одной избы тащили мертвого мужика и, пробираясь сквозь толпу, несли его на воздух.

По направлению к выгону народ выносил свое имущество; несли бороны, сохи; кто вез сани, бабы вытаскивали гребни, ухваты, прялки; один мужик, потеряв всякое сознание, нес в поле своего кафтана осколки кирпичей. Среди убогого имущества, обняв свою дочь, голосила мать:

– Остались мы с тобой бесприютные!..

ХІ ИЛЬИН ДЕНЬ

Имение Новоселова находилось верстах в пяти от Карповых, вблизи деревни Вязовки, состоявшей из двадцати крестьянских дворов. Ветхий господский дом с полуразвалившимися сараями и конюшнями стоял особняком, разделяясь от деревни глубоким оврагом, через который перекинут был мост. Около барского дома находился пруд, заиленный до того, что в жаркие дни скотина входила в него на самую средину по колени.

В полуверсте от Вязовки протекала небольшая речка с мельницей и толчеей, на которых издавна росла крапива и несколько молодых берез, наглядно знакомивших путника с распространением растений при пособии ветра, но мало говоривших в пользу владельца этих заведений.

Среди Вязовки красовался кабак с мелочной лавочкой, откуда крестьяне брали соль, деготь и другие товары, платя за них почти вдвое дороже против городского, особенно в

осеннее время. Целовальник знал все статьи нового положения, на основании которых, как он уверял, производил с крестьян взыски за долги не деньгами, а натурой, и притом без всяких формальных судов, по мнению самих крестьян отнимавших только время.

На барском дворе во флигеле, состоявшем из четырех небольших комнат, помещался арендатор с семейством. Он был из дворовых и управлял когда-то имением своего барина, но с объявлением воли приписался к мещанам и стал заниматься арендой. В последнее время он пришел к убеждению, что сельским хозяйством заниматься не стоит: «Урожаи стали плохие, земли вздорожали, с рабочими никак не сообразишь. То ли дело, – рассуждал он, – состоять на коронной службе: всегда сух, тепел; накупил акций железных дорог или билетов внутреннего займа – и покуривай сигару; а там, глядь, билеты поднялись в цене или выигрыш тысяч в десять...»

Рядом с заросшим травой барским домом стояла русская изба с резным крыльцом, выстроенная на случай приезда барина; над ее крышей возвышалась скворечница, – утеха

барского караульного, одинокого старика. Во внутренности избы отгорожена была отдельная комната, которую украшали картины: отец Серапион, кормящий из рук медведя, затворник Иоанн и проч.

На Ильин день, после обедни, арендатор подъехал на дрожках к своему флигелю и, увидав толпу мужиков, шедших к барскому дому, спросил:

– Куда это вы, ребята?

– Да велено собраться к барину; должно, насчет сенокосу...

Пришедши в комнату и повесив картуз близ старинных часов с футляром до самого потолка, арендатор обратился к жене и сидевшему с ней за самоваром целовальнику:

– С праздником!

– И вас с тем же, Алексей Митрич, – проговорил целовальник, выходя из-за стола и подавая руку хозяину.

Арендатор оделил всех, не исключая и детей, возивших по полу бумажного коня, по кусочку просфоры и сел за стол.

– Что ж не в кабаке? – спросил он целовальника.

– Там есть кому без меня... жена справится. Сами знаете, не добро быть человеку едину...

Арендатор тряхнул куском сахара над чайным блюдцем.

– Зачем-то барин велел мужикам собираться, – сказал он.

– То-то и я подошел разведать: не будет ли нашему брату какой поживы? Что-нибудь барин хочет затеять.

– Аль думаешь подделаться к нему?

– Отчего же?.. Барин россейский! он залетит опять в Питер, а нам пить, есть надо... Я прошлое лето снял у Горшковых сто десятин по три рубля, а мужикам роздал по семи, а хорошенькую по десяти...

– Ничего! – одобрительно проговорил хозяин.

– Да ведь в долг, Алексей Митрич; ждать до новины. Вон Карпухины должны мне двадцать рублей, плотник Федосей – шестьдесят, и без всяких расписок.

– Неужели ваши деньги не пропадают за мужиками? – спросила хозяйка.

– А бог-то? – возразил целовальник, – ведь у всякого человека, Марья Прокофьевна, со-

весть есть: ежели я с вами, будем говорить с глазу на глаз, богу помолимся и вы человек благородный, разве вы отопретесь от своих слов? Опять небойсь у вас на дворе есть какая-нибудь скотинишка... вот какое дело...

Все помолчали. Целовальник, опрокинув чашку и перекрестившись, начал:

– Вот бы вам, Алексей Митрич, подбиться к погореловскому графу... хоть бы насчет лесу... уж и статья! одна дыхнуть!.. А барин – угар! он слова не скажет... человек тоже, надо прямо говорить, благородный...

– Однако село-то его сторело!

– Да!.. от молоньи... говорят, ударило прямо в Епихванову избу... мужики-то были на покосе... как есть все вчистую решило... Так теперь стоит один господский дом...

В это время арендатор взглянул в окно и сказал:

– Барин приехал.

– С мировым посредником, – подхватила жена, – и старшина с писарем... что-нибудь не так... Сходи, Алексей Митрич, узнай, что такое?

– Пойдемте вместе, – сказал целовальник и

обратился к хозяйке, – благодарим покорно за угощение. К нам просим милости...

– Ваши гости...

Арендатор и целовальник отправились в барский дом; у крыльца стоял тарантас, несколько телег и толпился народ. Мужики рассуждали:

– Смотри, ребята: в случае чего... ежели на счет старшины, – надо выбирать кого поаккуратней... чтобы за нас умел сказать слово...

– Кого ж выбирать? – раздались голоса.

– Да на что лучше Якова Калистратова?

– Постой! не хочет ли барин отбить у нас Карнаухов Верх...

– Не шумите! – закричал сельский староста, выходя из сеней, – сейчас разверстка будет...

– Братцы вы мои! – заговорил народ... – Что-то будет!..

Послышались тяжкие вздохи, сдержанный шепот. Мужики вдруг смолкли. На крыльце появилось начальство. С минуту длилась тишина; слышно было, как по двору пищали цыплята, над которыми в вышине носился коршун.

– Ну, ребята, – объявил посредник, держа в руках бумагу, – вы должны благодарить бога, что избавились от чересполосицы: размежевание кончилось, и вам остается разверстаться с вашим барином. Так как ваш поселок стоит далеко от водопою, то Андрей Петрович решил отдать вам ту часть, которая могла бы преграждать путь к реке, то есть он уступает вам с наделом удобной и неудобной, по урочище Дубровый Лог, Парохин Верх и Живое Урочище – реку Осетр, сколько на плане значится. Сверх того, он уступает вам небольшую рощицу, которая находится в этом наделе. Что касается до ваших повинностей, то они вами уже уплачены, когда дача находилась в чересполосном владении. Я очень рад, – продолжал посредник, – что вы теперь справитесь; мне будет легче собирать с вас подати.

Посредник обратился к барину вполголоса: «Беда с этими сборами; исправник оттого и отказался от должности».

– Само собою разумеется, – объявил он мужикам, – как люди темные, вы можете во зло употребить данные вам средства... Будьте осторожны и в случае нужды не откажитесь

помочь барину.

– Что же вы молчите? – кивнув головой мужикам, подхватил старшина.

– Завсегда... с нашим удовольствием, – заговорили мужики, – последним поделимся...

– За такой надел надо благодарить своего господина, – сказал старшина, сходя с крыльца и приготавливаясь произнести речь мужикам. Он стал к ним лицом, поднял руку вверх и объявил:

– Таперича вам, к примеру, надо жить степенно, чтобы все было как следует: пуще всего не надобно заниматься пьянством... да насчет податей быть исправными... потому что хорошего – доводить себя до этого? И какое ежели дело насчет уборки хлеба господам, то они завсегда наши благодетели, – и беспримерно жить в аккурате! друг друга не обижать, начальства не слушаться... соблюдать себя в обхождении обаполо благородства... в случае чего прямо ко мне, – я вас окорочу...

Старшина посмотрел на посредника, доставая из шляпы платок, чтобы утереть с своего лица катившийся пот. Посредник жестом дал ему знать, что речь его произвела впечат-

ление. Старшина отошел в сторону.

– Кто из вас грамотные? – объявил писарь, – подходите...

– Ну, теперь ступайте домой! – сказал посредник. – Вот как господа об вас заботятся: умеете ценить и пользоваться такими благодеяниями.

Мужики, держа в руках шапки, один за другим потянулись с барского двора. Вскоре всей ватагой они очутились в кабаке, куда пришел и целовальник.

– Ну, ребята, – объявил последний, – вам теперь ничего не остается делать, как взять сороковую бочку вина...

– Ой ли? – подхватили мужики.

– Верно! потому, изволишь видеть, – выкладывая на счетах, говорил целовальник, – двадцать дворов, шестьдесят ревизских душ... так?

– Так, – согласились мужики...

– Забыл я: кто это делал добрые дела, Филарет милостивый или Иоанн многострадальный? На милость образца нет! Понимаете? Вам теперь надо гулять целую неделю... жена! откупоривай бочку...

– Погоди, Перфил Семеныч, – заговорили мужики.

– Чего там годить? входите сюда, выкатывайте...

– Ребята! брать, что ль? – спросил один мужик...

– Постой! Надо сперва разобрать...

– Да чего вы боитесь? Аль не выпьете? – продолжал целовальник, – дай-ко из соседних деревень налетят, узнают... Федюшка! Запрягай лошадь! – Ступай на завод... я вижу, дело-то не на шутку разыграется...

– Ведро, Семеныч!

– Ведро! там видно будет.

– Погоди! может, после что откроется...

– Чему открыться? – кричал целовальник, – аль вы впервой видите барина? Опять дело было при посреднике... Экие дураки! вам теперь сто молебнов надо отслужить, а не то что из пустого в порожнее перегонять...

– Семеныч! стало-быть, наша земля по самый Парохин Верх?

– Тебе сказано, по Дубровый Лог, Парохин Верх и речку Осетр...

– Так, так... – заговорили мужики...

- Ведь область али нет?
- Область!..
- А как же мы будем делить землю? по тяглам аль по душам?
- Зачем тебе делить! Без тебя все сделается... Неси вино! тащи на улицу...
- Постой! как же насчет Парохина Верха-то? Семеныч! положи-ко нам на счетах...
- Ну, будет кричать! давай два ведра. – Семеныч! и ты с нами выпей!
- Поздравляю вас... Дай господи вам богатеть...
- Кушай на доброе здоровье... А хозяйюшке твоей надо купить настоечки...
- Это она потребляет... да что ж вы не зовете своих баб?
- Антон! беги за ними... да захвати ковригу хлеба... Ребята! неси вино на улицу... там просторней...
- Что ж не сказано: платить за нее аль нет?
- За вино-то, что ль?
- Толкуй еще! я вон плачу за двух, которые в люльке качаются...
- Ну, не толкитесь здесь! ступайте на улицу...

– Слава богу! мы господами не обижены... Я хотел давеча сказать: вы-то, мол, нас не забудьте, – а мы вас из нужды выручим... бывает, миром в один день справишь... аль мы не крещеные?

– Вон сорочинские завсегда уберутся с хлебом, а у него копны в поле...

– Что такое значит? отчего так? На улице раздавались песни.

XII ПЕРЕПИСКА

НОВОСЕЛОВ В. Е. КАРПОВУ

С*ело Кострюлино. Сентябрь.*

Расставшись с вами, по совершении купчей крепости, я долго стоял у растворенного окна моей комнаты и вслушивался в городской шум. Было около девяти часов вечера. «Прощай, мираж! – думал я, – жаль, что ты унес из моей жизни целых пятнадцать лет! Обращаюсь опять к тебе, мать природа: прими к себе заблудшего, кающегося сына...»

Но что значит эта перемена? Этот родной луг, который был так прекрасен во время моего детства, речка с островами, поля – все, что так радостно когда-то встречало меня, возвращавшегося из дальней стороны, – теперь смотрит на меня неприветливо, все чуждо мне и, увы! как будто гонит от себя прочь... Я вижу, как на этом лугу сидят группы детей; они веселы, они у себя дома; их мудрая мать, как и меня прежде, ласкает, занимается их

воспитанием... А я, одинокий, стою перед ней и чувствую, что на родной земле уже нет для меня места... Я вижу, как и в былое время, сидит у своей хатки старичок, тихо доживая век свой; как он ни страдал здесь, как ни голодал, от сырости и холоду ни мерз, природа сберегла-таки его до сего времени...

Что же мне делать? Неужели на арену схваток с ближними?.. Нет, что бы со мной ни было, как бы мать природа ни наказывала меня за мои преступления, я преклоняюсь перед ее ударами и, может быть, вымолю у ней прощение. Я виновен в том, что, получивши ясный взгляд на наших *меньших братьев*, сколько раз приезжал к ним, воочию видел их бедствия и уезжал, не сделав им ничего, словно спасался бегством...

Вот почему я оставил свою Вязовку... Для нового вина нужны и мехи новые...

Рано утром я выехал из города. Небо было пасмурно. Потянулись скошенные поля, обозы, богомольцы с сумками, – вот деревня, усаженная березками, ряд высоких возов с отпряженными лошадьми, в стороне деревянная церковь...

Погода вдруг переменялась; подул холодный ветер, по небу понеслись тяжелые, осенние облака.

На первом постоялом дворе я спросил себе водки и редьки (не правда ли, смело?) и, проехав несколько верст, снова возблагодарил бога за его милости; вместо того, чтобы получить лихорадку, несмотря на то, что у меня в желудке вместо ростбифа была редька, я чувствовал себя прекрасно... Я с удовольствием начал беседовать с ямщиком о мужицком житье...

Но вот и ночь. Справа и слева появляются какие-то одинокие дома; пролетит тройка с колокольцем... Лошади наши выбираютя на горку; ямщик идет рядом с повозкой и закуривает трубку...

– Так ты знаешь село Кострюлино?

– Как не знать. Там наши часто бывают. Там живет лекарь Гаврил Иваныч...

– К нему-то я и еду.

– А много осталось до Кострюлина? – Верст сорок.

Опять заскрипела повозка. Вот уездный город; замелькали кривобокие лачужки, пусты-

ри, заборы и, наконец, каменные дома; в окнах горят огни. Что делают там люди? Купчиха ли расспрашивает богомолку про чудеса, купец ли с очками на носу сидит за счетами, или чиновник блуждает по своей квартире, не зная, за что ему приняться? спать ли, пройтись ли куда, переписывать ли бумаги? Душа его, несмотря на долговременную, беспорочную службу, все куда-то просится, чего-то ждет... но ждать, кроме пряжки и смерти, нечего... Мещане ли с соборным голосистым дьяконом пьют чай и ведут беседу о концерте: «Кто взыдет на гору господню?» Пройдут десятки, сотни лет, люди, как и теперь, будут изнывать в своих каморках и чего-то ждать...

Часов около десяти мы приехали в деревню Павловку. Я зашел в крестьянскую избу, наполненную народом. За столом сидели девицы; у них были так называемые *посиделки*. На полатях лежали мужики. Между тем осенний ветер стучал ставнями и подвывал под окнами, как бы аккомпанируя грустными песнями. Девицы пели:

*Ходила Маша по саду,
Сбирала вишенья,*

*Сбирала своих подруженек.
Сажала их за дубовый стол,
За белы скатерти.
Сама садилась выше всех,
Клонила голову ниже всех.
Как мне жить, подруженьки,
Во чужой семье?
Как мне чужого отца
Звать батюшкой?
Мне звать его батюшкой
Не хочется.*

Мне было так грустно, я так полюбил избу, этих добрых людей, что у меня подступили слезы. Я вышел на улицу.

Завернув за угол крайнего дома, я очутился в поле, – опять на большой дороге. Ветер не затих, но небо просветлело; высоко и ярко светила луна сквозь прозрачные белые облака; вокруг нее образовался светло-оранжевый, широкий круг. Я шел по гладкой дороге; на небосклоне тускло очерчивались ветлы, словно избы, телеграфные столбы... впереди вдруг показалось что-то живое и вскоре исчезло... Я все шел... Но, наконец, без всякой причины меня объял ужас... Чем более я всматривался в пустынную даль, тем страш-

нее она мне казалась... Невольно подумал я, что русские мужички, населяющие эти страшные степи, подвизающиеся в этом мертвом пространстве, – великие люди; вспомнил я наши города, пятиэтажные дома, мосты, насыпи, вспаханные поля, дубинушку зеленую, наконец эту вечную безысходную нужду, – и преклонился перед мужиком.

Через час я возвратился в избу; народ разошелся, исключая хозяев, садившихся за ужин. Семья начала есть тюрю; хозяйка, державшая на руке младенца, подала на стол на дне чашки молоко. Все хлебнули и, вздохнув, вышли из-за стола. Разумеется, все были голодны.

Поутру я зашел в соседнюю избу. Так называемая черная печь была только что закрыта; по избе носился дым; запах был невыносимый. Посредине хаты висели лапти; по полу бродили неумытые дети. Один мальчик с разбитым носом, на котором запеклась кровь, пристально смотрел на меня.

– Это у вас мазанка? – спросил я, не зная, с чего начать разговор.

– Мазанка... Цыц! – крикнула старуха на петуха, запевшего на всю избу. – Мы недавно

выстроились. Мы прежде были прудищенские. Барин нашу землю взял себе, а эту отдал нам.

Вошел мужик с красной, больной щекой, сказав:

– Доброго здоровья!

– Здравствуй. Что ж, вы довольны этим местом?

– Местечко бы и ничего, да вот недостатки плохие, – сказал мужик.

Эта неизменная песня заставила меня не возобновлять разговора про *доставки*.

– Что это мальчик-то ушибся? – спросил я.

– Да вон об чугунок расшибся. Старуха погладила мальчика по голове.

Я все рассматривал избу: на полу, на лавках, на хорах была такая грязь, что меня ошеломила эта страшная картина человеческого унижения. Я почувствовал боль в голове и вышел.

У самой избы я увидел телегу с приходским священником. Его работник стучал палкой в окно и кричал:

– Выносите новину!..

На улице шумели грачи, летали голуби,

вдали сверкала речка. Светило солнце. Пользуясь хорошей погодой, я отправился пешком в село Кострюлино. Дорогой мне стало стыдно за свое малодушие, и я решился непременно выпить чашу до дна...

Сейчас только получил ваше письмо и прочел его с удовольствием. Работайте, мой милый друг! не унывайте! Как только приглянусь к родным картинам, примусь и я за дело. Передайте вязовским мужикам, что, когда они поправятся и выстроят школу, я весь к их услугам. Вот видите, кусок хлеба впереди есть...

Доктор, у которого я остановился, мой давнишний приятель, поселившийся на вечные времена в глуши. Он купил у кострюлинского барина десятин пять земли, развел сад, устроил пасеку и занимается практикой, снабжая крестьян лекарствами и наставлениями. На вопрос: отчего он не живет в городе, – Гаврила Иваныч (так звать его) отвечает: «Мне нужно, чтобы вот тут, против окон, пролетел вальдшнеп, чтобы зимою я видел заячьи следы на снегу; без этого я не могу жить».

Насчет моего намерения приняться за му-

жицкую работу вот что он говорит: «Даю вам честное слово, что через неделю, а много через две, вы схватите горячку. Вы хотите шутки шутить с жизнью, так знайте же, как закаливается наш русский пахарь, – он с раннего возраста ходит разутый, раздетый, голодный; этого мало: тот из наших крестьян делается настоящим пахарем, кто в детстве перенес всякие тифы, лихоманки (последних народ насчитывает двенадцать); а вы знаете, что редкие из крестьянских детей переносят это испытание; статистика говорит, что нигде так не мрут дети, как в русском народе».

Чудак воображает, что я боюсь смерти... На этих днях я отправляюсь снова в путь... впрочем, недалеко... Если долго не буду писать, не удивляйтесь этому. Но вы, пожалуйста, пишите. По-прежнему адресуйте на имя Гаврила Иваныча в село Кострюлино.

ПИСЬМО КАРПОВА К НОВОСЕЛОВУ

Октябрь.

На улице грязь по колено и завывает ветер, но мы, любезный Андрей Петрович, пока не падаем духом. Сестра учит детей грамоте,

сама берет у меня уроки химии. (Я вам писал, что единственная уступка, какую отец мог сделать, – это школа для крестьянских детей: все остальные мои просьбы признаны не подлежащими удовлетворению; придется сознаться, что *natura non facit saltum*[17]). Александре Семеновне я устроил аквариум, перед которым она проводит целые часы, любуясь каким-нибудь головастиком. Граф к нам давно не ездит; слышно, что он завел борзых и гончих собак. Относительно погореловских его крестьян, к сожалению, известно, что они побираются. К нам он не ездит потому, вероятно, что считает нас людьми «опасными». Да оно лучше! пусть все размещается по удельному своему весу.

Наши говорят, что вы сбили меня с истинного пути. Я им сказал, что Андрей Петрович только ускорил процесс кристаллизации моих убеждений. Тетушке я на опыте показал это (раствор глауберовой соли и готовый кристалл той же соли).

Александра Семеновна присутствовала при некоторых химических опытах. Раз у нас зашла речь с ней, по поводу серной кислоты,

о кулачном праве. Я убедил ее, что химия вообще не учит кулачному праву, и серная кислота, вытесняющая слабейшие кислоты, доказывает лишь то, что в природе надежны одни прочные соединения (гипс).

В настоящее время я приступаю к определению свойств почвы по дикорастущим на ней растениям. Это возможно в таком случае, когда известен состав золы растений, длина и форма их корней. У Либиха определен состав некоторых наших полевых растений, но у него ничего не сказано про нашу кормилицу *лебеду*; поэтому я хочу начать анализы с этого растения.

Перед тем я разлагал почву, находившуюся в банке с давно умершим растением; я открыл, что последнее погибло от недостатка некоторых солей. Уже не в первый раз мне приходит мысль, что растение – то же, что и животное, которому нужна пища, свойственная его организации; между тем люди не знают, сколько борьбы, роковых усилий поддерживать свое существование заключалось, например, в этом умершем растении; а какая-нибудь ложка супу, спитой чай могли бы

вдохнуть в него жизнь и разукрасить его лепестки... Все это я объяснил сестре. Она спросила меня: «Кто ж эти люди, которые преследуют естествознание?»

Сообщу вам кое-что о нашей школе. Она выстроена по моему плану и представляет два здания; в одном детей учат, в другом их кормят (отец отпускает провизию, но не без того, чтобы не сказать всякий раз: ну, уж времена!). Отец Павел, наш священник, также учит детей грамоте. Он составил было программу преподавания такого рода:

В. Кто спасся после потопа?

От. Ной. (Как будто он один.)

В. Сколько было чистых пар животных и сколько нечистых? и т. д.

Новостей у нас никаких. Отец нимало не раскаивается в покупке вашей земли. Он часто бывает в Вязовке и вспоминает, сидя в старом доме, вашего покойного батюшку: «Примерный был хозяин и добрый сосед! а вот что значит детки! постройка вся развалилась, в доме живут одни галки, сам наследник этого имения пропал без вести». Отец хочет в вашем имении устроить отдельную фер-

му. Вязовские мужики заметно поправляются; они обещались у себя в деревне выстроить школу. Бывший ваш арендатор живет в Сорочьих Гнездах и торгует у графа десятинами в пятьсот лес. Наши все вам кланяются и просят, чтобы вы приезжали к нам на святки. К этому особенную просьбу присоединяем сестра и я —

Василий Карпов.

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Декабрь.

Вот и зима на дворе, любезнейший Андрей Петрович. Как-то вас бог спасает? Признаюсь, я без ужаса не могу подумать о ваших похождениях а la Вамбери[18]^[23]. Я начинаю серьезно побаиваться за ваше здоровье: доктор говорил вам правду...

Извещаю вас, что ученье у нас кончилось, ибо до рождества осталась одна неделя. Я никуда не поеду во время праздника, буду ждать вас. У нас в доме настоящая больница. Никто никуда не ездит, все стонут, а иногда ведут разговорную канитель такого рода, что хоть

уши зажимай. У нас гостят две барышни-соседки (уже заматорелые), которые исправно играют в свои козыри и даже на гармонике. Мать не выходит из своей комнаты; Александра Семеновна по целым дням сидит наверху и раскладывает гран-пасьянс. К ней часто приходит из города странница – тип, заслуживающий внимания. Когда эта женщина тут, то весь дом, не исключая прислуги, стекается наверх послушать, что будет говорить матушка Апраксия. По-видимому, Апраксия пользовалась когда-то красотой, потому что, несмотря на свои пятьдесят лет, она и теперь поражает своими как огонь сверкающими карими глазами, правильными и тонкими чертами лица. Разглагольствования ее в таком роде:

– Всё мы недовольны! Отчего? оттого, что стали вольны... Баба, змея подколодная, она взяла верх над мужем. Он на работе всю свою силу положил, а она думает только о нарядах. Есть баба благочестивая, баба домовитая и баба – змея; выбирай любую.

– Выбирай любую, – поощряет странницу лакей Иван. – Вы верно говорите.

– Что сказано в писании? – строго оглядывая публику, спрашивает Апраксия. – Сказано: брак есть таинство... разве он теперь таинство? жены все пустились в разврат, надели кринолины, да шляпки, да разные тряпки! Ходят в церковь зачем? друг друга перемывать да осуждать. А что читает дьячок: «Щедр и милостив господь», этого они не слушают. Цветы на лугах давно посохли и пропали. Где они? Они очутились все на платьях да шляпках!.. Все стали умны, да у всех порожни гумны... все учены, да в ступе не толчены... я ведь вот какая!..

– Это проезжай всю Россею, – замечает Иван, – нигде таких умных слов не услышишь... – Горничные вздыхают. Александра Семеновна слушает с глубоким вниманием.

– А вы, толстые купцы, проклятые... – обращается Апраксия к воображаемым купцам, – куда готовите свою душу? в ад ее готовите! Как кошка достает из дупла скворцов, так и вы бедных хватаете, обманываете! Ты хочешь чаю? погоди! я тебе из ада смолы кромешной накачаю! Прежде бесы плялись где попало... а теперь они сидят в людях... Все забыли хра-

мы божьи; молятся, только бесов утешают... А что дьякон голосом выводит? Никто не слушает; все живут обманом, хитростию... Все бога забыли, все сатану возлюбили... Христа вторично распинают, ко кресту его пригвозждают, родителей не почитают... Мне однажды сказал голос: «Иди за мною, Апраксия!» Я и иду, словно парком. Вдруг опять слышу: «Смотри! эти парки – будут жарки!..» Не правду я говорю? – обращается Апраксия к Ивану и продолжает:– Правда светлее солнца: солнце померкнет, а правда никогда! Все умны! Слава богу, хоть я одна дура (Апраксин крестится). Один про меня сказал: «Она – словно Леонид». Да! нынче всякий Леонид, кто правду говорит.

– А что значит вскую шатаешься? – спрашивает Иван, ухищренный в писании.

– А вот что! – Страница неожиданно напускается на Ивана за его дерзкие слова, – вот ты постов не соблюдаешь, мамон свой набираешь, бесов утешаешь – вот и шатаешься, да скоро и в ад попадешь... Я вижу, – продолжает странница, обращаясь к смущенному Ивану, – как за спиной твоей сидит бес да на ухо

тебе шепчет, вот ты векую и шатаешься...

– Матушка Апраксин! – говорит Иван, – я спрашиваю насчет жизни: отчего я шатаюсь?

– Ну, а я отчего шатаюсь? Почему я знаю! Вот так-то один говорил мне: ты не за свое дело взялась; апостол сказал: «Женщина да не учит». А разве я учу? Я разговариваю... Хочешь – слушай, хочешь – нет... Я говорю про разврат: нынче парни покупают орехи, а от этого бывают прорехи...

– И все правду говорит, – восклицают слушатели. Александра Семеновна очень любит странниц; она даже ведет переписку с монахинями. Посылаю вам образчик одной из душеспасительных бесед: «Христос посреде нас, моя безценая подруга и собеседница Александра Семеновна (соблюдена орфография подлинника). Спасайса, моя голубушка, придумываю и вспоминаю, как мы стобою, моя незабвенная, проводили время приятно, часто ты пекласа о своей жизни, я знаю, что не без скорби теперишняя ваша жизнь, но что делать, нада всегда вуме держать, что здесь не вечность и здесь покою нечего желать, а ждатель и думать о вечном покои кабы нам не

ли-шитца вбудущей жизни; о себе скажу, что телом здорова да духом часто бизпакойна и скорбями висьма давольна но все дыки моя галубушка опишу, как я грешная празник встретила, после утрени во втором часу обедня, пришли отобедни напились чаю збулками и легли спать...»

Теперь опишу я, как мы вообще проводим время. Мать, рассматривая в увеличительное стекло разные картинки, спрашивает меня, что такое диафрагма, которая будто бы не дает ей покоя (уездный доктор определял ее болезнь); при этом она жалуется на бессонницу. В углу на столе сидит любимица матери – ангорская кошка, словно мертвая: она постоянно спит, опустив голову до самого стола... Скука страшная. В зале за чаем или обедом идут разговоры такого сорта:

– Смотрите, какой снег идет! – говорят барышни-соседки.

– Да! теперь дорога поисправится, – замечает отец.

Все задумываются, как будто решают вопрос: что, если в самом деле дорога исправится? Куда ехать? ехать-то и некуда. Затем идет

речь о том, что в город приехали фокусники, – купчиху Слабоумову схоронили, гувернантка Прянишникова убежала с офицером. Зина Горшкова влюбилась в дьякона. (Отец любит слушать подобные курьезы.)

Иногда приезжает к нам сосед Пылаев и начинает пороть околесную... (Надо заметить, что мужики почему-то стали ему поперек горла.)

– Вы не знаете этого народа! – вопит он, осушая одну рюмку водки за другой.

– Как мне не знать мужиков? – возражает отец.

– Нет, вы не знаете! вы не знаете! Разными послаблениями вы только избалуете мужика! его тогда не допросишься ни на какую работу. Тот только и работник – у кого нет ничего... (каков?) Разве наш мужик думает о завтрашнем дне? у него есть лапти да кусок хлеба, он и лежит на печке. Его, голубчика, тогда только и можно прикрутить, когда ему есть нечего! О! вы не знаете этого народа!

Пылаев напивается у нас всякий раз до помрачения ума, и тогда только и слышишь: «Parole d'honneur [19], последние времена

пришли...» Каковы типы, любезнейший Андрей Петрович, окружают меня? Отец Павел также нередко посещает нас; повествует про больных, про повсеместный угар, как одной бабе на толчее руку отшибло и пр.

Я живу во флигеле с старым охотником Поликарпом, который рассказывает мне про жизнь и нравы птиц. Рассказы эти до того хороши, что я записываю их для моих учеников, с которыми после святок намерен проходить естественную историю. На сон грядущий Поликарп рассказывает мне про волков и разбойников (во мне уцелели барские замашки): как, например, в старину шайка удальцов верхом на лошадях, в полночь, останавливалась перед домом дьячка, который со смирением являлся перед гостями и упрашивал их зайти к нему откусать хлеба-соли. Незнакомцы с кистенями и топорами спрашивали у причетника: не видал ли он проехавшей тройки?.. «Людей бедных и смиренных, – говорит Поликарп, – разбойники не обижали, а, напротив, даже помогали им; приходского попа сам атаман нередко просил помолиться за него богу и давал на весь причт не менее

красненькой». Во время подобных рассказов иногда с такою силою бушует вьюга на улице, что флигель наш уподобляется морскому судну, носимому волнами. У меня кружится голова, и я слышу явственно скрип мачт, хлестание волн, даже крик народа... Господи, как иногда тяжело!.. невыносимо грустна ты, русская жизнь... Где-то вы теперь? Меня берет досада, что вы не пишете... Живы ли?..

ОТ ТОГО ЖЕ К ТОМУ ЖЕ

Март.

Что же вы не пишете, Андрей Петрович? Где вы? Что поделяваете? Беседой с вами я только и отвожу душу... Один в поле не воин, вы это знаете. Если вы не откликнетесь и на это письмо, то я поеду вас отыскивать.

Посмотрите! уже весна начинается... Солнце так ярко светит; с крыш, на которых прыгают воробьи, каплет растаявший снег... Коровы и лошади подставили свои спины под теплые солнечные лучи. «Ну! – думаю я себе, – зиму пережил! теперь не погибну...»

А между тем жалобно раздается благовест церковного колокола, призывающий говель-

щиков, богомольных старушек к часам. Одетые в полушубки, толстые сермяги и заячьи шубки, богомольцы тянутся по улице, вероятно толкуя о грехах своих или вообще о предметах, в которых наиболее проявляется промысл божий.

Я, конечно, знаю все порядки относительно богослужения и поста. Я знаю, например, что в промежутке между заутреней и часами говельщики собираются в церковную караулку, где под образами сидят духовные, рядом с ними почетные люди: приказчик в калмыцком тулупе или богатый дворник. Они ведут речь о зимней стуже, о четье минее и т. п. Их слушают мужики с отмороженными носами, стоящие близ печи.

О своих занятиях ничего вам не сообщаю, так как не знаю, доходят ли мои письма к вам? В силу этого ограничиваюсь написанным. До тех пор, пока вы не отзоветесь, не стану писать. Отвечайте скорее...

Но ответа не было.

XIII ВЕСНА

Русский народ говорит, что весна начинается с самых «Спиридоновых поворотов», когда *солнце поворачивает на лето, а зима на мороз*. Таким образом, почти весь великий пост, называемый *четыредесятницей*, стоят сильные морозы и бушует зимняя вьюга. Но иногда выпадают красные деньки, когда все говорят о весне и когда внутренний голос подсказывает каждому деревенскому жителю, что у бога милости много: он накажет, он и помилует. Едва ли не в каждом доме начинают поговаривать о прилете грачей и жаворонков; вынимаются из сундуков праздничные платья, радужные шали, полинялые мантильи под предлогом, не испортила ли их моль, при этом соображают, что лучше, надеть на благовещение или на светлый день? так что красный денек, выпавший на долю изможденных зимними холодами людей, позволяет им запастись силами для новой борьбы с стихиями, ибо вскоре опять сердито за-

глядывает зима.

Так начинается русская весна, и народное изречение: солнце поворачивает на лето, а зима на мороз, показывает, что в это время завязывается борьба зимы с весной. Но вот, наконец, и несомненные признаки весны: снег разрыхлел, соломенные и закоптелые крыши домов обнажились. По улице шумят ручьи, на полях показались проталинки, грачи кричат в березнике. В село приходит известие, что через плотину ездить нельзя по причине сильного напора воды, и мельница остановилась; везде, как говорят, все растворилось. Между деревнями и городами прекращается всякое сообщение, время от времени разносятся вести, что половину города М. затопило водой, а городскую мельницу снесло за пятнадцать верст, что в овраге засел какой-то барин в возке.

Мало-помалу поляя вода сбывает. Снег лежит только в оврагах и на склонах гор, обращенных к северу. На лугах и выгонах зазеленела трава, которую щиплют овцы. Приближается светлый день.

В селе Кострюлине, в доме доктора Гаври-

ла Иваныча (о котором писал Новоселов), на столе под образами стояло каменное блюдо с водой, назначенной для освящения. Было около четырех часов утра. У икон горели свечи. Тучный хозяин сидел на диване и вслушивался в неясный, но торжественный крик приближавшихся к его дому «богоносцев», которые пели «Христос воскресе», что свидетельствовало о наступившем светлом дне.

С фонарями и украшенными образами богоносцы вошли в дом Гаврила Иваныча, причем каждый из них повторил: «Христос воскресе». Вслед за богоносцами вошел причт.

После водоосвящения хозяин пригласил священника в другую комнату, к больному. Это был Новоселов.

– Христос воскресе! – возгласил священник, прикладывая к устам больного крест, – Христос и тебя пришел посетить... Неужели в эти радостные дни ты обречен на смерть? Выздоровливай! – Священник положил у подушки больного красное яйцо.

На лицах присутствовавших выразилось участие к больному, который лежал в забытьи...

1870

Примечания

Красавицами (*фр.*).

[^^^]

2

Бесконечное движение (*ит.*).

[^^^]

Это ужасно!.. (*фр.*).

[^^^]

Любезник (*фр.*).

[^^^]

Туалетный уксус (*фр.*).

[^^^]

6

Это невозможно, дорогая моя... (*фр.*).

[^^^]

7

Стерлядь на скорую руку (*фр.*).

[^^^]

Сударыни! (*фр.*).

[^^^]

Спасибо, спасибо... (фр.).

[^^^]

Красавец мужчина (*фр.*).

[^^^]

Вдоль Арно... сад Боболи... дворец Питти... ше-
девр! (*ит.*).

[^^^]

Обрабатывать землю... Понимаете, князь...
но, конечно, это навязчивая идея... (*фр.*)

[^^^]

С удовольствием... до свидания... (фр.).

[^^^]

Очарователен!.. как он хорош! (*фр.*).

[^^^]

Тысячу извинений, сударыня (*фр.*).

[^^^]

Сударыни! князь... князь... (фр.).

[^^^]

Природа не делает скачков (*лат.*).

[^^^]

В стиле Вамбери (*фр.*).

[^^^]

Честное слово (*фр.*).

[^^^]

Комментарии

Грунтовый сарай – навес на столбах, под которым посажены плодовые деревья. На лето навес раскрывается, а зимой забивается досками.

[^^^]

2

Заказные луга – луга, на которых крестьянам запрещалось косить траву, пасти скот и охотиться.

[^^^]

Дюссо и Борель – модные петербургские рестораторы.

[^^^]

4

«Троватор» («Трубадур») – опера Дж. Верди (1853).

[^^^]

5

«*Miserere*» («Помилуй») – начало католического песнопения.

[^^^]

«...О недавних правительственных распоряжениях относительно приходов и церквей» – речь идет, по-видимому, о запрещении закреплять за девушками-сиротами священно- и церковнослужительские места их покойных отцов для передачи этих мест их будущим мужьям.

[^^^]

Шуйский (Чесноков) *Сергей Васильевич* (1820–1878) – русский актер, прославившийся исполнением ролей в пьесах И. С. Тургенева, А. Н. Островского, Ж.-Б. Мольера в Малом театре.

[^^^]

8

Тартюф – герой одноименной комедии Мольера (1664).

[^^^]

...Век целый исполнского дела искали... – парафраз характеристики «нового человека» Агарина в поэме Н. А. Некрасова «Саша» (1855).

[^^^]

Овэн (Оуэн) Роберт (1771–1858) – английский социалист-утопист, пытавшийся основать коммунистические колонии в США и Великобритании.

[^^^]

Ирод – царь Иудеи с 40 года до н. э., которому христианское предание приписывает «избиение младенцев» при известии о рождении Иисуса Христа.

[^^^]

«В ущелии... духовное лицо говорило проповедь абхазцам...» – во время написания повести «Издалека и вблизи» было утверждено «Положение о прекращении личной зависимости и поземельном устройстве» Абхазии (1870).

[^^^]

«Вы *еще не в могиле, вы живы...*» – последняя строфа стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1862).

[^^^]

«Иллюстрация» – журнал, выходивший в Петербурге в 1858–1863 годах; с 1863 года после слияния с «Иллюстрированным листком» выходил до 1873 года под названием «Иллюстрированная газета».

[^^^]

«Фенелла» («Немая из Портичи») – опера французского композитора Д.-Ф.-Э. Обера (1828).

[^^^]

Патти Аделина (1843–1919) – итальянская певица (колоратурное сопрано), с успехом выступавшая на русской оперной сцене.

[^^^]

«*La belle Helene*» («Прекрасная Елена») – оперетта Ж. Оффенбаха (1864).

[^^^]

Кокшаров Николай Иванович (1818–1892/93) – русский минералог и кристаллограф, академик, директор Минералогического общества с 1865 года.

[^^^]

В шармеровском фраке – то есть во фраке от модного петербургского портного Шармера.

[^^^]

«Верь, ни единый пес не взвыл тоскливее лентяя...» – неточная цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Песня о труде» (1867).

[^^^]

«Роскошны, вы, хлеба заповедные...» – цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «На родине» (1855).

[^^^]

...*Рассуждаем по-потугински* – то есть в духе «западнических» монологов Созонта Потугина, одного из героев романа И. С. Тургенева «Дым» (1867).

[^^^]

Вамбери Арминий (1832–1913) – венгерский путешественник и профессор восточных языков, автор переведившихся на русский язык книг «Путешествие по Средней Азии в 1863 г. Вамбери с картой» (Спб., 1865) и «Очерки Средней Азии» (М., 1868). Свое путешествие в Персию и в Среднюю Азию Вамбери совершил под видом богомольца-дервиша, присоединившись к группе возвращавшихся из Мекки паломников.

[^^^]